

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Глава 4. Политико-театральные амплуа для массового индивида: модель гражданина Нового времени

... Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
*И.В. Гете*¹

«Он застал лишь блеклую тень той республики, перед которой преклонялся и почитал за образец. Но поучительны не только чужие добродетели, но и чужие пороки. Чем дальше отстояла Франция Директории от идеала, тем радикальнее становились воззрения самого Тона. В его дневниках Франция начала революции соседствует с Францией ее заката, словно пограничные, но все же разные государства»².

Данная модель воспроизводит развитую форму гражданина, сложившуюся в период трансформации западной культуры в цивилизацию и восхождения демократической формы правления, при которой гражданин конституируется в качестве субъекта гражданского общества и права, активного члена национального государства. Гражданин как политико-правовое измерение личности стал специфическим феноменом либеральной цивилизации Западной Европы Нового времени, ее образующим элементом. Ценностной основой данной цивилизации является комплекс представлений об автономности и самодостаточности личности, понятие которой связано с принципом субстанциональной свободы в качестве высшей ценности личностного бытия.

Специфику западной цивилизации, ее уникальный, а не универсальный характер, по мнению С. Хантингтона, составляют следующие ключевые характеристики, или распространенные на За-

¹ *Гете И.В.* Фауст // Гете И.В. Избранное. М., 1963. С. 325.

² *Андерсон К.М.* Франция времен Директории в «Дневниках» Т.У. Тона // Французская революция XVIII века. М., 1988. С. 207.

паде «концепции, практики и институты»: 1) античное классическое наследие – греческая философия и рационализм, римское право, латынь и христианство; 2) католицизм и протестантство как основа чувства единства и отличия от других; 3) многообразие европейских языков, сочетающееся с наличием латыни, как основы общеевропейской коммуникации; 4) разделение духовной и светской власти; 5) традиция господства закона (*Non sub homine sed sub Deo et lege* – «Не под человеком, но под Господом и законом»), лежащая в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности; 6) социальный плюрализм, давший начало сословиям, парламентам и другим институтам, призванным выражать интересы разнообразных автономных групп. Эти органы обеспечили формы представительства, которые во время модернизации развились в институты современной демократии; 7) органы местного самоуправления и представительства на национальном уровне, со временем превратившиеся в средство политического участия народа; 8) «чувство индивидуализма и традиция индивидуальных прав и свобод»¹. Эти институциональные и ментальные формы составляют социокультурные основы исторического становления и существования феномена европейского гражданина.

Путь к роли героя: историческое становление феномена гражданина

Католицизм как религия и теология возник в результате взаимовлияния христианства и римского права. Одной из его основ стало рационально-логическое правовое мышление, использующее понятия частного права. Его развитие привело к открытию юридической формы отношений Бога и человека – договора равных сторон («лиц») на поле правовых отношений, одинаково связанных взаимными обязательствами и подчиненных праву. Спасение человека есть обязанность Бога по отношению к человеку, исполнившему свой христианский долг. У человека есть право на спасение при условии выполнения им обязанностей христианского долга. Римское правовое мышление, проникшее в католическую теоло-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Величьева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 97-101.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

гию и религиозную философию, преемственно перешло и в протестантизм и распространилось на всю культуру Западного мира («Абендланда»), включая политическую¹. Следствием опоры западного правового мышления на рациональное понимание истины, признаками которой выступают доказуемость, исключительность и независимость от места и времени, стало подчинение истине самого Бога. Фактически это означало ограничение всемогущества Бога человеческим разумом. Истиной веры стало считаться то, что не противоречит рациональной истине, произошло отождествление религиозной и рациональной истин. Соизмерение истины веры действительностью вследствие данного отождествления в конечном итоге привело к превращению действительности в содержание веры, а также к влиянию рациональной истины на регулируемые правом сферы межличностных, общественных и государственных отношений.

Трансформация ранней христианской общины в католическую церковь и значительное влияние последней на все сферы общества и культуры повлекло за собой постепенное проникновение во все властные структуры общества христианского принципа иерархии (как лестницы сакральности). Внутреннее основание христианской культуры незаметно видоизменилось. Набирал силу процесс десакрализации Духа: место тайны Бога постепенно занял секуляризованный разум. «Вместе с секуляризацией Разума, иерархии, пронизывающие социальное тело христианского мира, становятся иерархиями рациональности. Или – информационными иерархиями»². Смысловое содержание Духа коренным образом изменилось, но формально-институциональные, окостеневшие его структуры продолжали функционировать в обществе. Иерархический принцип захватывал все новые сферы человеческого действия. Способ построения властных отношений утвердился в чувственном мире, а его автор – западное христианство – постепенно был отодвинут в прошлое. «Ибо теперь основанием любой иерархии, во всяком случае – идеологическим основанием, – служит мера близости к источнику всеобщих императивов и санкций. В каче-

¹ Халем Ф. Фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии, 2002. № 7. С. 30.

² Франц А.Б. Политическая анатомия морали (Опыт философии этоса). Екатеринбург, 1993. С. 227.

стве такого же для человека Нового времени выступает наука, которая в своем логическом завершении есть не что иное как чистый разум. И ... иерархия статусов ... задается мерой близости к Знанию, информации, каковые и оказываются конечным основанием для иерархии Нового времени»¹.

Возможность использовать силовые ресурсы теперь стали определяться статусом в информационно-властной иерархии. Форма социальности, включая соотношение индивида и государства, складывалась под одновременным воздействием двух принципов ее воспроизводства: иерархии (элитарности в организации власти) и автономии личности (эгалитарности). Совмещение этих принципов потребовало несколько столетий поисков, проб, ошибок и решений. Проблема заключалась в том, чтобы найти новый способ формирования отношений и структур власти, обеспечивающих вовлеченность массового индивида в их функционирование, то есть способ вертикально-горизонтального структурирования общества. Как же была решена эта проблема? Каким образом сложились ментальные и институциональные основы феномена гражданина национального государства Нового времени?

В духовном плане возникновение нового типа власти является следствием сложившейся внутри новоевропейского этоса иерархии разума (информации, компетентности). Вожди Реформации окончательно отделили друг от друга предметы веры и разума, совершив новую дифференциацию полюсов оппозиции – Града Небесного (ментального) и града земного (институционального). Мир посюсторонний как сферу действия разума Лютер противопоставил миру потустороннему как области проявления веры. Медиация последних в виде иерархии веры, благодати и добродетели, достигнутая в эпоху средневековья, была заменена установлением окончательного равенства мирян и клириков в подчинении Господу (равенство в подданстве и ничтожности). Оценивая религиозные убеждения человека как индивидуальное право на свободу совести и личное призвание Богом, Лютер открыл путь к рождению индивидуального правосознания. В трактате «О светской власти...» Лютер провел мысль о наличии двух порядков – светского и духовного, кото-

¹ Франц А.Б. Указ соч. С. 228.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

рым соответствуют две системы права, «естественного» и «божественного». «Духовный порядок» – это межличностные отношения людей в качестве членов церковной общины, регулирующие Писанием – «божественным» правом, содержащим нравственные требования. «Светский порядок» – это общественная и государственная жизнь, подчиняющаяся общественной целесообразности, или «естественно-правовым» нормам. Свобода совести, по Лютеру, составляет одну из норм «божественного» права.

Абсолютное предопределение – воля Бога, господствует в чувственном мире, не зная никакой другой воли. Лютер прямо отрицает возможность свободы человеческой воли¹. Однако утверждаемая реформаторами идея единственной для христианина необходимости – веры и следования Писанию, соединяется с идеей права самого человека на интеллектуально-интуитивное постижение Истины веры. Критерием истинности Писания признается убежденность верующего в истине. Индивид получает право-власть самостоятельно различать истину и ложь. Принцип свободы совести вытекал из понимания Лютером спасения. Человек достигает спасения только посредством веры, непосредственно даруемой ему Богом. Каждый христианин обладает всей полнотой божественной благодати и через таинство крещения обретает священство, не нуждаясь в посредничестве церкви в своем общении с Богом. Из идей личного спасения и личного общения с Богом следовало и личное право христианина самостоятельного толкования Библии, то есть внутренняя свобода верующего. Лютер возвышает индивидуальную свободу совести верующего, уравнивая ее с авторитетом церкви. Спасение человека, небесный его удел предопределен Богом, в этом смысле человек – раб, орудие и собственность Бога, но только Бога. В посястороннем мире, в социальной и политической жизни человек – «господин над самим собой и владелец собственной личности»². Царство Божье резко отделено от царства земного: человек должен быть покорен

¹ Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1987. С. 293.

² «Человек, будучи господином над самим собой и владельцем собственной личности ... заключает в себе самом великую основу собственности» (Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1961. Т. 2. С. 100).

Богу, но в обществе и государстве он является независимой личностью, обладающей собственным разумом и волей, имеющей статус субъекта договора, эквивалентных обменов, субъекта права, «субъекта утилитарной автономии»¹. Такие выводы из христианско-протестантской антропологии были извлечены Дж. Локком, одним из авторов концепции естественных прав человека, легшей в основу западноевропейского этоса гражданина. Возникающая таким образом безграничная свобода индивида открывает для него возможность выбора как добра, так и зла. «Человек как совесть полностью свободен от внешнего, он сам творит истину и ложь. То есть становится почти что Богом»².

Разум (знание, наука) унаследовал стремление схватить всеобщее, свойственное христианскому этосу, и превратился в светскую религию. Авторитет знания стал новым основанием для построения властных иерархий индустриальной эпохи, сменив в этом качестве авторитет веры и благодати. Рациональность проникла во все поры индустриальной цивилизации. Универсализация реальных экономических и политических отношений (мира) и универсализация разума человека встретились в общем поле рационалистического этоса Нового времени. Их точкой пересечения стал «дух капитализма» (М. Вебер), в политическом пространстве реализующийся как этос буржуа-гражданина.

Антропологические основы протестантизма, освящение им посясторонней успешной деятельности мирянина-предпринимателя, сакрализация автономии личности, развитие принципов веротерпимости – все это духовные источники становления этоса гражданина. Итогом распространения протестантизма и Реформации в Европе стало массовое формирование определенного типа личности, ее ментальности и поведения, пропитанных протестантским духом. Синтез основных положений данной этики становился ядром внутренней мотивации жизни и деятельности протестантов, составлял основу их благочестия. Идея призвания Богом человека к спасению порождала уверенность человека в собственном спасении при наличии у него истинной и деятельной веры, проявляющейся в поведе-

¹ Соловьев Э. Учение Локка как завершении генезиса прав человека // «Послание о веротерпимости» Джона Локка: точки зрения / Под ред., вступ. ст., коммент. М.Б. Хомякова. Екатеринбург, 2002. С. 221.

² Франц А.Б. Указ. соч. С. 232.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

нии и жизненном укладе христианина¹. Протестантизм осуществлял «расколдовывание» мира, последовательное устранение мистики и благодати, сообщаемой таинствами церкви как средствами спасения. Способом спасения стала методическая святость мирянина, обеспечиваемая рефлексией и систематическим самоконтролем². Это предполагало этическую рационализацию всей жизни верующего. Идея христианской аскезы, требующая от человека активного самообладания, проверки каждого поступка и намерения на соответствие должным христианским мотивам и нормам, способствовала воспитанию личности в духе деятельной, осмысленной и упорядоченной жизни, сдерживанию инстинктов, эмоций и аффектов. Она же возбуждала в личности субъективные импульсы к методическому строю жизни. Идея равноценности священнической и мирской активности и нравственности обязывала каждого христианина быть «святым в миру», в повседневной жизни и профессиональной деятельности. Религиозное освящение мира привело к ликвидации привилегий монахов в избранности к спасению. Идея «мирского аскетизма» получила статус несения креста³. Идея профессионального призвания повлияла и на сферу предпринимательской деятельности. Деятельная жизнь и труд, стремление к наживе и успеху, начали истолковываться провиденциалистски, как исполнение призвания Бога. Это создавало условия для идеализации делового человека – умеренного во всех проявлениях, трудового буржуа, «человека, всем обязанного себе, *selfmademan*»⁴. Протестантизм задавал этос рационального буржуазного предпринимательства, рациональной организации труда и образа жизни и в целом создавал основы для формирования современного «экономического человека» и его поведения в социально-политической сфере. И протестантизм, и философия, обязанная ему своими истоками, по своему разрешали бинарные оппозиции *свои – чужие, господство – подчинение, эгалитарное – элитарное, частное – публичное*.

¹ М. Вебер писал, что уверенность в спасении «... является следствием систематического самоконтроля...» в повседневной жизни верующего (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 152).

² «Лишь пронизанная постоянной рефлексией жизнь рассматривалась как путь преодоления *status naturalis*» (Там же. С. 154).

³ Соловьев Э. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 119.

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 191.

В эпоху Просвещения в западном мире произошло отделение истины веры от рациональной истины и слияние ее с правом. Право стало содержанием религиозной веры, уравнилось с Богом. Благодаря этому лицо как носитель прав получило свои права от Бога, то есть родилась идея неотъемлемых прав человека, получившая разработку в либерализме XVIII в. Права человека с этих пор для каждого лица стали играть роль защиты от исключительности рациональной истины. Идеи протестантизма оказали влияние и на правовые аспекты этоса гражданина. В ходе революции Лютера оказалась вновь востребованной эгалитаристская установка христианства, реализация которой привела к понижению значимости повелений Церкви и возвышению воли человека. «Лютеранская концепция индивидуальной воли превратилась в центральную для развития права»¹. Вынужденный обходиться без церкви в своих трансцендентных отношениях, человек получил право на индивидуальный выбор, свободу и ответственность перед Богом, людьми и собой. Он обрел некое возвышенное одиночество в мире – в своей отдельности он стал воплощать достоинство причастности к божественной сущности. Его подобие Богу лишилось групповой и корпоративной поддержки и зависимости, но обрело индивидуальную, безусловную свободу и форму. Право унаследовало это религиозное доверие к индивидуальной воле человека, его способности к самоконтролю и самодисциплине.

Появление новоевропейской личности связано с относительным обособлением права от религии и морали. Правовая оценка поступка позволяет допустить природное несовершенство людей, но «тайна личности» не касается права, она остается делом личного отношения каждого человека с Богом, однако за человеком закрепляется свобода воли². Мораль ставит человека в ситуацию долженствования, а право признает за личностью право выбора, право иметь право, право «мочь». Право «провоцирует» (А.Г. Кислов) свободу воли личности. Невостребование собственного права означает отказ от права выбора и свободы воли, отказ быть лично-

¹ Кислов А.Г. Становление новоевропейской традиции права // Логика толерантности и права. Материалы науч. конференции. Екатеринбург, 24-25 декабря 2001 г. Екатеринбург: изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 224.

² Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 418.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

стью. Право принимает и данный отказ. Однако, признавая свободу воли каждого по общему закону, право судит всех, кто препятствует свободе выбора личности.

Способом рационализации становящегося этоса гражданина стала философская и правовая мысль XVII–XIX вв., в ее рамках была осуществлена проработка понятий человека, подданного, гражданина, личности, частного лица, субъекта права, буржуа. Новоевропейское определение человека как подлинного и единственного, как самоутверждающегося субъекта всего сущего, в качестве которого рассматривается «человек, человеческое «Я»¹, стало духовным основанием модели гражданина. И в этом новизна миропонимания этого времени, его специфика по сравнению с античностью и средневековьем. Именно оно дает основание для рассмотрения модели гражданина Нового времени в качестве особой исторической формы. Здесь нам необходимо опереться на М. Хайдеггера. Вопрос об основании сущего в новоевропейской метафизике принял форму вопроса об основании истины. Условием утверждения человеком себя в качестве основания истины явилось «освобождение» человека от библейско-христианской истины Откровения и церковного учения, связанное с переопределением существа свободы². Содержанием новой свободы стало самозаконотворчество, самообосновывание и самообязывание человека. История Нового времени представляет собой реализацию определенного диапазона видов новой свободы, раскрывшегося перед человеком. В эту свободу входит «самодержавное право человека на самостоятельное определение целей человечества», которое предполагает опору на власть. Поэтому «лишь в истории Нового времени и в качестве самой этой истории самоуполномочение власти впервые становится основной реальностью»³. Впервые воля к власти получает метафизическую значимость. Господство над землей становится стимулом неогра-

¹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 266.

² «Теперь свобода заключается в том, что на место достоверности спасения как мерила всякой истины человек полагает такую достоверность, в силу которой и внутри которой он сам удостоверяется в себе как в сущем, опирающемся таким путем на самого себя» (Там же. С. 267).

³ Там же. С. 268.

нического саморазвития человека, заставляет его рассматривать себя и свои способности в качестве средства достижения цели, принуждает к самодисциплине. В качестве самообязывающих идеалов использовались рационализм, позитивизм, классицистский гуманизм, национализм, персонализм и «создание человечества, ориентирующегося ... на «тип». Тип объединяет в себе... и неповторимость, ожидавшуюся раньше от индивида, и единообразие и универсальность, которых требует общество. Неповторимость «типа» заключается ... во впечатляющей заразительности одинакового штампа, не терпящего ... никакой однообразной уравниловки и нуждающегося в особом рода иерархичности»¹. Идеальный тип сверхчеловека – продукт завершения метафизики Нового времени.

Ее начало, основу новой свободы человека составляет тезис *ego cogito (ergo) sum*. Смысл, вкладываемый Декартом в это выражение, Хайдеггер видит в пересечении нескольких значений. Мыслить – значит, во-первых, господствовать, владеть, распоряжаться предметом мысли, а также «предоставлять себе представляемое», презентировать его, «обеспечивать» себе, держать «внутри круга контроля и расчета»; во-вторых, «представлять себя», собственное «Я»². Следовательно, тезис Декарта можно истолковать так: «человеческое сознание есть по своей сути самосознание»³. Любому акту мышления присуща «самость человека как лежащее-в-основе. Самость есть *subiectum*»⁴. В Новое время утверждается такая метафизика, которая делает человека основанием (субстанцией) и субъектом всего сущего, включая и его самого, и его свободу – власть, способности, мышление, деятельность. Сущее для такого субъекта – лишь объект «исследования, завоевания, покорения и препарирования» как методов удостоверения господства человека. «Отношение к сущему становится наступательным «подходом», нацеленным на покорение мира и мировое господство»⁵. Эта метафизика, абсолютизирующая самождественного субъекта, помимо огромного творческого потенциала содержит опасность проявления ничем не огра-

¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 269.

² «Всякое представление есть ... самопредставление» (Там же. С. 275).

³ Там же. С. 277.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 290.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

нической свободы человека и его субъективности, опасность его открытости как добру, так и злу, его незащитности перед собой и собственными безответственностью, нигилизмом и одиночеством. Раннее Новое время видело позитивную направленность такой свободы человека (власти, разума, права), реализуя ее в идеалах Просвещения. Конец Нового времени ознаменовался осознанием нарастания негативных аспектов свободы человека, констатировал кризис самостождественного субъекта. Но этот негативный потенциал абсолютной свободы и субъективности человека присутствовал изначально.

Со времени Декарта все сущее начинает измеряться мерой бытия мыслящего субъекта, в качестве которой выступает математический расчет, постепенно подчиняющий себе любое человеческое действие. Машиносообразность всего производимого человеком требует того же от него самого. Ради управления всеми техническими процессами человек дает технике овладеть собой, становится соразмерным ей. Возникает взаимообратная необходимость: «безусловное господство над землей» как цель человека требует от него не только «машины» как средства господства, но и собственной механизации, или превращения в сверхчеловека. Сфера политики, как и другие сферы жизни, становится «машиной» власти, политического господства (элиты над массами, одной нации над другой и т.д.), подчиняющей себе человека, превращающего даже управляющего ею в собственный элемент. Демократия и является машиной власти, такой, в которой граждане по сути ее подчиненные элементы, формально представлены в качестве управляющих функций.

Метафизика самостождественного субъекта к концу XIX в. оказывается метафизикой воли к власти, выраженной Ницше, а субъект – тождественным этой воле, нигилистическим субъектом. Так «бытие явило собственное существо в качестве воли к власти»¹. Изменение его самопонимания и самоутверждения основывается на изменении его отношения к бытию. Следствием нарастающей абсолютизации субъекта стало его самообособление от сущего, попадание в плен собственной субъективности, внутренний разрыв человеческого существа.

Однако XVIII век, окрыленный самой возможностью совершенствовать человеческую природу, оттачивать термины, методы,

¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 309.

технологии, был полон прогрессистского оптимизма и не видел обратных сторон собственных изобретений и новшеств. Потребности юридической и политической практики обусловили возможность сближения различных теоретических позиций относительно правового статуса личности в государстве, в которых воплощена сходная модель гражданина. Медиативная роль Канта видится в том, что его метафизика в целом и концепция всемирного гражданства, в частности, содержат возможность снятия противоречия между понятиями человека и гражданина. Таким образом, этос человека погружается в политический контекст. Понятие гражданина в истории мысли несло значение привилегированного по отношению к остальным людям лица¹. Преодолев абсолютистское понятие подданного, развиваемое Т. Гоббсом, И. Кант включил его в содержание понятия гражданина: «Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), то есть государства, называются гражданами (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство – признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской самостоятельности – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим. Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина...»².

¹ «По объему правоспособности и кругу субъектов права в различные исторические этапы можно судить о том, кто из индивидов и в какой мере признается в данной системе человеком. Движение всемирной истории к современной «концепции прав человека» – это движение через этапы «привилегированного» человека ко все большему расширению круга людей, признаваемых в качестве человека. Последний на сегодня этап привилегированного человека – признание в качестве субъекта права гражданина (человека как члена государства), а последняя форма прав привилегированного человека – права гражданина (в их соотношении с правами человека». *Ершов Ю.Г.* Право // Современный философский словарь. Лондон, 1998. С. 688.

² *Кант И.* Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 691.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Этика И. Канта представляет собой наиболее яркое выражение моральной составляющей этоса гражданина Нового времени на уровне идеально-должного. Кант показал, что в конечном итоге суть права, гражданского состояния и политического устройства, основанных на праве, определяет моральный закон. Он отстаивал идею необходимости нравственного обоснования внешнего поведения и деятельности людей, определяемого правом и публичными законами. Право есть формальное, минимальное условие этических отношений между людьми. Для того чтобы люди свободно руководствовались правовыми принципами в своих поступках, они должны свободно ставить перед собой такие цели, которые бы не ущемляли интересов и целей других людей. Для этого нужны этические максимы – ценностное содержание поступков, которое может быть целью, то есть внутренним мотивом (законом) для субъективной индивидуальной воли каждого человека. Этические цели (долг), лежат в основе правового долга. Главной максимой является знаменитый кантовский категорический императив¹.

За основу метафизических начал учения о добродетели Кант берет эвентерономию, принцип свободы внутреннего законодательства. Понятие свободы выступает критерием для деления добродетелей (долга человека) на «обязанности внутренней свободы (этические)» и «обязанности внешней свободы (правовые)». «Для внутренней свободы необходимо: 1) справляться с самим собой; 2) владеть собой, то есть обуздывать свои аффекты и укрощать свои страсти»². Внутренняя свобода как власть над собой составляет главное условие благородного нрава – этоса человека и гражданина. Добродетель Кант определяет как «моральную твердость воли человека в соблюдении им долга, который представляет собой моральное принуждение его со стороны его законодательствующего разума, поскольку этот разум конституируется как сила, исполняющая закон» и противопоставляет ее пороку, «преднамеренному нарушению, ставшему принципом»³. Добродетель содержит веление самообладания, подчинения разуму всех своих способностей и склонностей⁴. Долг добродетели составляют две основные цели:

¹ «Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом» (*Кант И. Указ. соч. С. 779*).

² Там же.

³ Там же. С. 781, 785, 797.

⁴ Там же. С. 800.

собственное совершенство и счастье другого. Первое обязывает индивида заботиться о культуре способностей, душевных и телесных сил, о «культуре моральности в нас». Моральность, в отличие от легальности поступков, Кант определяет как образ мыслей. Внутренний, моральный закон предписывает человеку максимуму поступка – «всеми силами стремиться к тому, чтобы мысль о долге была самым по себе достаточным мотивом для всех сообразных с долгом поступков»¹. Долг добродетели выступает в качестве «внутреннего законодательства» или самопринуждения» индивида, руководствующегося «законодательствующим разумом». Эти духовные предпосылки легли в основание ментальных сторон модели новоевропейского гражданина.

Реализация гражданского этоса была бы невозможна без зрелости институциональных условий существования гражданина, в политическом плане связанных главным образом с формированием конституционного (публичного) статуса гражданина, служащего гарантией соблюдения его статуса как частного лица, что нашло свое выражение в разграничении государственного (принятие конституций) и гражданского права (Гражданские кодексы и уложения).

Институциональные параметры модели гражданина также представляют итог длительной исторической практики. Одной из исторических предпосылок становления феномена новоевропейского гражданина было развитие местного самоуправления, в наивысшей форме проявившегося в итальянских городах-коммунах XIII в. Действующие на протяжении столетий институты производственно-профессионального (гильдии, цехи, корпорации) и территориального самоуправления были способами развития форм и традиций участия горожан (граждан города) в управлении городом, способами формирования гражданской культуры и ментальности. В ходе развития местного самоуправления все более широкие слои горожан приобретали опыт участия в управлении и деятельности органов муниципальной власти. Параллельно складывалась сеть горизонтальных отношений, формирующаяся на основе различных гражданских объединений и ассоциаций (религиозных, духовных и т.д.). Значимость традиции участия граждан в деятельности органов самоуправления состоит в том, что у граждан появляются устойчивые схемы мышления, связанные с принятием общественно

¹ Кант И. Указ. соч. С. 784.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

значимых решений, умения, навыки, технологии и стереотипы действий, направленных на установление правового и общественного порядка, норм цивилизованной жизни, осознание долга и ответственности за принятые решения или совершенные действия. Накапливаемая «культура участия» позволяла гражданам ощущать себя в качестве субъектов публичной жизни, распространяемая количественно и качественно, воспроизводимая последующими поколениями, такая культура становилась существенной чертой западной цивилизации.

Еще одной предпосылкой становления новоевропейского гражданина было формирование наций и национальных государств. Секуляризация общества и культуры привела к тому, что христианство перестало выполнять функции интеграции общества, создания властной иерархии и легитимации власти, как это было до Реформации. Процесс установления государственного суверенитета наций сопровождался тем, что место религии в качестве формы интеграции общества, легитимации власти и способа формирования публично-правовых отношений власти заняла национальная культура (сознание, «дух нации»)¹. Религия же из сферы публично-правовых отношений была вытеснена в мир гражданского общества, в сферу частного, стала частным делом граждан. Этот же процесс привел к рождению светских утопий (например, Т. Кампанеллы, Т. Мора), ставящих цели преобразования секуляризованного мирского общества и трансформировавшихся со временем в идеологии.

К XVIII в. состоялось национальное самоопределение ряда западноевропейских государств, что зафиксировано в понятии нации-государства, которое вытеснило понятие республики как политического сообщества вообще и приобрело значение «государства-состояния» (*status, state, etat, Staat, etc.*) – особой статуарной, устойчивой территориальной политической системы, противостоящей подвижному гражданскому обществу². Становление

¹ «Нация (наряду с гражданским обществом) стала абстрактной формой социальной интеграции населения и новым способом легитимации государственной власти» (*Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. СПб., 2001. С. 206*).

² *Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы // Полис, 1994. № 1. С. 131.*

нации осуществлялось как интеграция статуса-состояния государства и гражданского общества. Единство нации («происхождения») исходя поначалу из популяционно-биологических факторов действительно складывалось на основе общей культуры (языка, веры и т.д.)¹. На территориальных основаниях создавались экономические (рынок) и коммуникационные (словесность, книгопечатание) системы. Основой образования нации стал политический синтез этнокультурных и территориальных факторов, воплощающихся в соответствующих институтах: для гражданского общества был сформирован единый правовой режим, для государства создан административный аппарат и погранично-паспортный режим. Нация – это исторически сформировавшаяся на основе общего происхождения (этничности), языка и культуры политическая общность людей, это государственно организованное общество. Нация-государство строилось на основе принципа политического равенства националов (граждан/подданных), что предполагало принятие ими этнокультурных требований – государственного языка, стандартов культуры, иногда – веры. Если какие-то группы населения не полностью принимали эти этнокультурные требования, то в нации-государстве они делались политическими меньшинствами, не полноправными гражданами, как в имперских государствах.

Складывание параметров публичного статуса гражданина происходило в ходе становления институциональной структуры и основных параметров современного государства: государственного суверенитета, территориального самоопределения и конституционного строя. Принципы суверенности и территориальности утверждались в противоречиях, революциях, политических потрясениях, религиозных и гражданских войнах. Существенным признаком действительного государства, подчеркивающим нерушимость и преемственность политического строя, постепенно становилась конституционность. Последняя предполагает, что законы, создаваемые каждым поколением в лице монарха, собрания представителей или путем прямого волеизъявления, подчиняются неким ме-

¹ «...нация – отдельная раса или народ, имеющий общее происхождение, язык, историю или политические институты» (The Concise Oxford Dictionary (of current English). Oxford, 1949. P. 753).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

тазаконам, следующим из субстанционального единства нации как последовательности поколений в рамках государства-состояния¹. Складывающаяся система представительного правления с выборными органами власти, осуществляемого политической организацией равноправных граждан, получила название республиканской. Взаимное обособление государства и гражданского общества потребовало разграничения интересов того и другого и осмысления национальных интересов как соединения интереса суверенного государства (отождествляемого с личностью и признаваемого в качестве юридического лица) с множественностью частных интересов гражданского общества.

К этому времени в основном произошло территориальное определение европейских государств, были установлены границы, единый политический режим, территориально определяемая национальность (институт гражданства /подданства) и паспортный режим. Государства как статусы-состояния наций – это относительно замкнутые системы, наличие границы позволяет устанавливать и изменять степень и характер закрытости в ориентации на государственный расчет и национальные интересы. Связанная с этим тенденция к полицеизму в истории разных европейских государств воплощалась в разной степени. Конституционное устройство каждого европейского государства складывалось в зависимости от конкретного соотношения социально-политических сил и было результатом нахождения баланса между открытостью и закрытостью как принципами политического режима государства.

Закрытость – открытость – еще одна оппозиция в структурно-семантическом каталоге, составляющем каркас модели гражданина, выражающая динамизм модели. Полюс закрытости выражен в философии истории И.Г. Фихте в виде идеи нации как коллективной личности, имеющей свое особое призвание. Фихте был сторонником паспортизации и полицеизма, выдвинул идею «замкнутого торгового государства», государства «для своих граждан»². Полюс открытости выражен И. Кантом в понятии всемирно-

¹ Ильин М.В. Указ. соч. С. 137.

² Эти идеи высказаны И.Г. Фихте в период борьбы немецкого государства с Наполеоном в «Речи к немецкой нации» (1808 г.) и работе «Замкнутое торговое государство» (М., 1923).

го гражданства, которое отражает космополитическую тенденцию, присущую модели гражданина Нового времени. Признав каждого человека обладателем «естественных прав» и заявив о необходимости установления всемирного государства и гражданства¹, Кант распространил понятие гражданина на каждого представителя человечества. Он предложил свой вариант решения противоречия между понятиями человека и гражданина, между принципиальной открытостью первого и закрытостью второго. Этим он открыл перспективу установления равенства в мировом масштабе.

Противоречие между странами, основным принципом устройства которых является принцип гражданства и странами с иными принципами функционирования порождает войны между государствами. Именно республиканское устройство государства (на принципах свободы членов общества как людей, зависимости всех от единого законодательства и равенства всех как граждан государства), лежащее в основе всех видов гражданских конституций, по Канту, открывает перспективу вечного мира². Внутренняя связь республиканского устройства с принципами права дает Канту основание для исторического оптимизма. Право для него включает в себе потенциал распространения от отдельных государств до международного и всемирно-гражданского масштабов³ и является способом институционального снятия антиномии гражданина и человека. Переход государств к космополитическому устройству подразумевает не «общность граждан мира», но «правовое состояние федерации, основанное на общесогласованном международном праве»⁴. В гипотезе о всемирном гражданстве содержится абстрактная возможность снятия ряда оппозиций: *свои – чужие, господство – подчинение, эгалитарное – элитарное*, а также – совпадения объемов понятий «человек» и «гражданин». Однако реали-

¹ Или «права государства народов, или права гражданина мира (*jus cosmopolitanum*)». Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 688.

² Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 4 т. / Нем. и рус. языки. Т. 1. М., 1993. С. 373.

³ «Идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру» (Там же. С. 403).

⁴ Кант И. Основы метафизики нравственности ... С. 559.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

зация этой возможности зависит от воли политических субъектов, от наличия стремления искать и находить новые способы медиации полюсов оппозиций.

Становление публичного статуса гражданина в Европе связано с формированием институтов правового государства – политической конституции как строя (сложения, устройства) государства, как системы норм действующего права, а также фиксацию ее в виде юридической конституции, или основного закона (устава) государства. Основы правового государства складывались в противоборстве тенденций к авторитаризму и либерализму. Авторитарный вариант правового государства тяготеет к полицеизму, при котором источником права служит государственный расчет, отнятый у общества и монополизированный полицейско-бюрократическом аппаратом. Полицейское государство – феномен общеевропейский. Общими чертами государств той эпохи были экономический меркантилизм и общесоциальный полицеизм, то есть тотальная опека над обществом¹. Либеральное правовое государство формировалось в попытке разрешения проблемы соотношения народного суверенитета (народа как источника власти, законодателя и источника права) и государственной власти (как гаранта принудительно-обязательного статуса закона), или проблемы взаимоотношения гражданского общества и государства. Парадокс заключался в одновременной недопустимости и необходимости для государства быть источником права. Право и конституция выше государства, но именно государство должно придать им юридическую форму и гарантировать их незыблемость. В рамках фор-

¹ Ф. Бродель назвал этот феномен «всепоглощающим государством» (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 520-563*); В. фон Гумбольдт писал о таком типе государства как о сдерживающем инициативу граждан: «Заботливые правители ослабляют и парализуют самостоятельную энергию частных лиц, приучают общество к пассивному выжиданию и восприятию внешних мер, вносят однообразие в проявление общественной и умственной деятельности и этим подрывают для будущего жизненные силы нации и государства» (*В. фон Гумбольдт. Опыт о пределах государственной деятельности. Цит. по: Слонимский Л. Старые и новые понятия о государстве // Вестник Европы, 1890. Т. III. С. 308*).

мального права шла разработка конституционных норм и процедур, ограничивающих государство и предотвращающих ситуации возможного «возвышения» государства над правом и конституцией. В Великобритании решение проблемы достигалось путем опоры на обычное право и личные свободы. Государство может возвышаться над отдельными законами, но не над неписаной конституцией, не над гражданскими правами, остающимися священными. Это дилемма, поставленная Гегелем, решалась посредством практической реализации концепции конституционно-правового строя (Локк, Кант, Гегель) и связанных с ней механизмов обеспечения народного суверенитета и представительства в большинстве стран Западной Европы.

Классический либерализм XIX в. адаптировал общую концепцию к реальности своего времени. Утилитаристская программа либерально-демократических преобразований общества и государства И. Бентама, основывающаяся на понимании общей пользы как суммы индивидуальных польз, стала идеологической установкой законодательства, в котором личность и ее материальное благосостояние (частная собственность) становились целью, а государство и другие политико-правовые институты – средством, обеспечивающим всем гражданам формально-равные возможности участия в экономической конкуренции. Б. Констан предложил теорию многоуровневой децентрализации власти, способствующей административной, политической и правовой защите собственника, и внес идею самостоятельной муниципальной власти¹.

Еще один шаг медиации между полюсами оппозиции *свои – чужие* был сделан в ответ на потребность организации господства целой нации как политической общности «своих». Его реализация дала некий способ опосредованного осуществления господства рядовых граждан, способ примирения горизонтального и вертикального структурирования власти. Формальное распределение власти по вертикали было осуществлено посредством введения института представительства как основы республиканского типа государственного устройства. Вызванное необходимостью самоограничения народного суверенитета, представительство подрывало принцип

¹ Констан Б. О свободе древних в ее сравнении со свободой современных людей // Полис, 1993. № 2.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

верховенства общей воли в ее плебисцитарном выражении, то есть принцип верховенства непосредственного волеизъявления. Существование непосредственной демократии и народного суверенитета в чистом виде оказалось невозможно, но необходимо в качестве фона, активной среды, в которой функционирует современное государство¹. Постепенно вызрели институциональные формы демократической республики, включающие представительное правление на основе народного суверенитета, а также примат политических свобод личности и прав на общественную самоорганизацию.

Этапами становления системы институтов представительной демократии стала выработка механизмов и практики народного суверенитета, представительства, демократической республики, светского и «социального» государства. Важными дополнительными средствами разрешения противоречий между обществом и государством, или между частным и публичным статусом гражданина и соответствующими правами, стали институты-посредники взаимодействия государства и гражданского общества – партийные системы, механизмы лоббирования, социальные движения, профсоюзы, гражданские инициативы и т.д. Механизмами защиты от временного вторжения социального государства в сферу гражданского общества продолжают оставаться конституционность, представительность и демократизм современного государства. Периоды усиления социального государства сменяются периодами его частичного сворачивания и осуществления нелиберальных (или неоконсервативных) программ. Действует своего рода маятник колебаний вокруг стандартов конституционной нормы, подчиняющийся принципам компромиссного прагматизма. Институты либерального правового государства уравниваются институтами социального государства.

Таким образом, институциональные условия существования феномена гражданина – система представительной демократии сформировалась в результате взаимодействия процессов формирования гражданского общества и нации-государства, политических и неполитических процессов. Становление феномена гражданина есть результат совокупного эффекта взаимодействия этих институциональных предпосылок с процессом эволюции новоевропейского этоса.

¹ Ильин М.В. Указ. соч. С. 140.

Политика формирует систему оснований социокультурной динамики власти новоевропейского общества, триаду «жизнь – свобода – собственность». Права на жизнь, свободу и собственность есть элементарная система прирожденных и неотчуждаемых прав личности, ставшая основой конституционно-правового статуса личности, закрепленного рядом раннебуржуазных конституций, деклараций, гражданских кодексов и уложений. Каждое из прав является условием двух других. Признание государством за индивидом прав собственности означает признание его статуса гражданина как субъекта частного права, это исходное условие других прав и свобод. Эта система естественных (природных) прав человека определяет назначение и пределы действия государственных институтов и органов власти, пределы их прерогатив и компетенции. Борьба «естественного индивида» за демократическое устройство государственной власти была способом институционального воплощения идеи природного равенства людей. «Героем» этой борьбы стал бюргер (буржуа), движимый стремлением уравниваться в правах с аристократией и стать гражданином.

При всей разнице институционального устройства государств Западной Европы и США к XVIII–XIX вв. сформировался сходный политико-правовой статус личности – это гражданин национального государства. Гражданин является одновременно членом гражданского общества и государства – двух взаимопроникающих развитых структур, уравнивающих друг друга. Масштаб граждан («своих») здесь совпадает с нацией как политическим сообществом. Признаками гражданина нации-государства являются: экономическая, правовая, политическая и духовная свобода и автономия личности. Появившись в городах средневековой Европы, господствующим типом, в процессе борьбы за свои права вытеснившим с исторической арены предшествующие ему типы господства, бюргер стал в Новое время. Гражданское, или цивилизованное общество – это общество граждан (бюргеров, буржуа). Политическая организация единичных граждан составляет государство-нацию. Именно бюргер (civis – лат., citoyen – франц., или citizen – англ.), его экономический, правовой, политический, религиозно-этический статус, его образ жизни и ментальность стали определяющими чертами западноевропейской цивилизации.

Модель гражданина нового времени складывалась как определенная медиация полюсов эгалитарного и элитарного. Институ-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

циональные формы данной медиации сформировались посредством установления относительного равновесия между вертикальным, иерархическим способом организации власти, доминирующим в феодальной и абсолютистской Европе, горизонтальным. Усилению горизонтального способа построения политической системы способствовало объединение нации в ходе буржуазных революций XVIII–XIX вв. и борьбы против абсолютизма, а также смена типа права – божественное право королей в Новое время уступило место естественному праву. Концепция народного (национального) суверенитета Ж.-Ж. Руссо, выражая интересы мелкой и средней буржуазии, была наиболее последовательным теоретическим воплощением идеалов прямой демократии. В этой концепции, рассматривающей государство как инструмент, обеспечивающий органическое слияние равенства и свободы, самодовлеющее значение приобрел эгалитаризм. Однако хотя понятие народного суверенитета было использовано в ряде европейских конституций, а также в Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), то есть на законодательном уровне допускались некоторые формы прямого народовластия¹, оно воплотилось в усеченном, ограниченном виде. В качестве ограничителя народного суверенитета, грозящего тиранией народных масс, выступила система представительного правления.

Институт разделения властей, децентрализация власти, введение принципов федерализма, предполагающего относительную самостоятельность местного управления, стали способами предотвращения деспотизма элит – чрезмерной концентрации власти элиты (монархической или олигархической), предусматривающими специализацию власти по предмету компетенции, по уровням и масштабам действия. Способом профилактики от тирании народа стал институт представительства, восстанавливающий властную иерархию, но как иерархию значимости интересов, верхнюю планку которой составляет общенациональный интерес («общее благо»).

Институт гражданства – один из центральных в ряду институтов, ограничивающих всемогущество государства. Структура государства выстраивается в прямой зависимости от данного института,

¹ Подробнее об этом см.: Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. С. 87-88.

поскольку он воплощает механизм реализации двусторонней правовой связи индивида и государства как совокупности взаимных прав и обязанностей со стороны гражданина (как автономной личности) и государства (как «коллективной личности»)¹. Гражданство – исходный государствообразующий институт, функция которого состоит в определении состава членов данного государства. Но одновременно этот институт связан со всей системой действующего права в данном государстве от конституционного до гражданского. Наделяя гражданина субъективными правами, данный институт связывает государство обязанностями по реализации субъективных прав гражданина. Полнота объема прав и свобод гражданина зависит от функционирования всей системы права, от политического и правового режима государства, обеспечивающего исполнение законов. Гражданство как политико-правовая скрепа общества составляет основу институционального измерения феномена гражданина.

Гражданство является не только политико-правовым, но и социокультурным институтом, поскольку связь лица с обществом составляет основу связи лица с государством. Это единство политического, социального и культурного аспектов гражданства схватывается понятием нации². В юридическом смысле гражданство – явление и объективного, и субъективного права. В объективном значении гражданство – это институт государственного права и законодательства, в субъективном – принадлежность лица государству, выражающаяся в правах личности по поводу гражданства. Политический аспект гражданства выражается в том, что гражданство интегрирует национально-государственный суверенитет и объем прав и свобод личности, прежде всего политических. Кон-

¹ «В законодательном определении гражданство понимается как устойчивая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности»; это «правовое оформление состояния сложившегося устойчивого сообщества людей, образующих государство» (Российское гражданство / Под ред. проф. В.Я. Кикотя. М., 2003. С. 6, 10).

² «Подразумеваемая радикальность черты «государственность» для нации, возможно понимать «нацию» как совокупность граждан державы на базе конституированного отношения согражданства» (Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. С. 84).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ституционный политико-правовой статус гражданина – это статус лица, на правовой основе принадлежащего к определенному государству, и обладающего правоспособностью, совокупностью прав, свобод и обязанностей¹. В гражданском праве гражданин признается субъектом гражданского права, одним из участников гражданских правоотношений, носителем правоспособности. Основу правового статуса человека составляют гражданские (личные) права – совокупность естественных и неотчуждаемых основополагающих прав и свобод, не зависящих от его принадлежности к конкретному государству, то есть права человека. Гражданин как носитель государственного суверенитета пользуется со стороны государства защитой прав и законных интересов внутри страны и за ее пределами, «это лицо, обладающее правом и обязанностью активно участвовать в реализации государственной власти, это субъект политической деятельности»². Гражданство характерно преимущественно для государств с республиканской формой правления или конституционных (парламентарных) монархий.

При провозглашенном наделении практически всего населения страны статусом граждан в буржуазных государствах вплоть до XX в. не все граждане могли пользоваться полным объемом прав гражданина, особенно политическими правами. Лишь к середине XX в. отношения формального равенства стали охватывать все взрослое население стран либеральной демократии³. В целом можно говорить о характерном для большинства европейских и ряде других стран процессе расширения круга лиц, обладающих всей

¹ Энциклопедический юридический словарь. М., 1984. С. 64.

² Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999. С. 111, 112.

³ Существовавшие в XIX в. избирательные цензы существенно ограничивали круг граждан, обладающих высшими политическими правами участия в управлении государством. Лишь к середине XX в. в Великобритании избирательный корпус численно сравнялся с совокупностью совершеннолетних подданных. Здесь до избирательной реформы 1832 г. активным избирательным правом обладало 4,4% взрослого населения страны, в результате ее проведения – 7,5%, а после реформы 1867 г. – 16,4%. В 1914 г. британский электорат составлял 30%, в 1921 г. – 74%, в 1931 г. – 96,6%. (Krieger Britain // European Politics in Transition. Lexington; Toronto, 1992. P. 38; Цит. по: Автономов А.С. Указ соч. С. 138).

полнотой гражданских и политических прав, включая активное и пассивное избирательное право.

Гражданство в социально-политическом отношении выполняет двойственную роль: выступая в качестве символа и средства оформления единства нации в рамках одного государства, гражданство осуществляет некую дифференциацию населения по отношению к властвованию, служит инструментом распределения власти. Институт гражданства имеет свои особенности в федеративных и унитарных государствах. Есть различия и принимаемых каждым государством способов приобретения и прекращения гражданства. Правовой статус иностранцев и апатридов характеризуется ограниченным объемом прав и обязанностей, прежде всего политических. Таким образом, институт гражданства закрепляет политическую привилегированность лиц, обладающих правами гражданства в конкретном государстве, перед остальным населением.

Гражданство выступает в качестве условного социального контракта между государством и гражданином, публичной сделки, по которой гражданин, выполняя обязательства по уплате налогов, подчинению законам, несению воинской службы и т.д., вправе требовать от государства исполнения услуг по защите его законных интересов и прав (гражданских и политических). В этом смысле гражданство является уникальным «товаром», включающим услуги государства по обеспечению прав гражданина на личную безопасность, пользование государственным аппаратом, социальное обеспечение и др.¹ Такое функционирование гражданства может базироваться лишь на доминирующих в обществе отношениях относительно эквивалентного обмена, в том числе в политических отношениях государства и гражданина. Отношения по типу обмена З. Бауман характеризовал как а) безличные, опирающиеся на правила, а не на качества человека; б) универсальные, основанные на правовых нормах взаимодействия; в) специфические, обусловленные предметом (поводом), фактом взаимодействия; г) аффективно нейтральные, отстраненные, рациональ-

¹ Такое понимание гражданства содержится в концепции фискальных отношений В. Волкова, которую приводит Бляхер Л.Е. (Моральная экономика и моральная политика, или игра в перепрыжки доходов // Социс, 2001. № 1. С. 66).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ные¹. Такая модель гражданства установилась в развитых либерально-демократических странах в XVIII–XIX вв., когда «власть была экономической по природе»² и с определенными поправками существует до сих пор.

Развитие института гражданства в странах Запада на протяжении последних двух веков шло как переплетение двух противоречивых процессов: увеличения объема прав, которыми наделяются граждане и распространения гражданства на новые категории населения. Т.Х. Маршалл представил анализ первого процесса как динамику трех компонентов гражданства – собственно «гражданского» (*civic*) (основные личные права и свободы), политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и социального (права на безопасность и социальную поддержку). По его мнению, гражданство служило неким «встроенным» уравнивающим механизмом, позволяющим сглаживать противоречия, вызванные теми или иными видами неравенства, сопутствующими становящимся капиталистическим отношениям и политической системе представительной демократии. Первоначальная разделенность этих компонентов гражданства в XX в. уступила место объединению всех трех групп прав в едином гражданском статусе. Эволюция института гражданства предстает как процесс расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами³. Параллельно в ходе классовой борьбы шло распространение статуса полноправного гражданина на новые категории граждан (низшие классы, женщин), снижение возрастного ценза для возможности реализации гражданских и политических прав и т.п. Эти две стороны процесса развития института гражданства касаются преимущественно коренного населения той или иной страны. Институт гражданства

¹ Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. М., 1996. С. 95-96.

² Турэн А. Социальные трансформации двадцатого столетия // Международный журнал социальных наук, 1998. № 23. С. 9.

³ Marshall T. *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge. 1950. P. 83; В отечественной литературе позиция Маршалла представлена: Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // Полис, 2004. № 5. С. 9; Вертовек С. Направление действий среди многообразия культур и виды гражданства в европейских городах // Международный журнал социальных наук, 1998. № 23. С. 33.

полтора предыдущих столетия эволюционировал в направлении формального выравнивания положения людей, обеспечивая универсальную правовую защиту от социально-политической и экономической системы неравенства. Он выполнял функцию интеграции разных политических и культурных практик, был механизмом стандартизации и отбраковки практик, не соответствующих формальным нормам. Последние не допускались в публичную сферу и считались проявлением частной жизни.

Под влиянием демократических революций XIX в. подъема национализма и распада колониальных империй гражданство формировалось как социальное учреждение, сопряженное с понятием нации, а не человечества, как это было в проекте Канта. Возникновение политического понимания нации способствовало трансформации ранних государств Нового времени в демократические республики. Национальное самопонимание стало одной из социокультурных основ превращения подданных в политически активных граждан. Институт национального гражданства – это не только продукт французской революции XIX в., но и результат деколонизации. Бывшие колониальные метрополии вынуждены были изыскивать законодательные и иные процедуры отделения собственных граждан («своих») от населения колониальных территорий («чужих»). Свернув имперский проект и «закрывшись» до «наций-государств», они не стали вовлекать в процесс демократизации жителей бывших колоний. Причину выбора такого пути Б.В. Межуев видит в том, что с середины XIX в. «Запад стал осознавать себя не универсальным сообществом, призванным перестроить в соответствии со своими принципами весь мир, но лишь одной из цивилизаций»¹. «Цивилизационное» сознание к XX в. одержало верх над «универсалистским» сознанием. Последствием данного факта культуры стало то, что колониальные процессы привели к фундаментальному разделению Севера и Юга.

По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства служит механизмом вовлечения новых претендентов в политический процесс, в процесс реализации частногражданских и публичных прав, и одновременно – механизмом исключения из него определенных

¹ Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Полис, 2004. № 5. С. 23.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

категорий населения¹. Для легитимации процедуры исключения в самом механизме гражданства заложена культурная матрица дифференциации и классификации людей. «...понятие *гражданин* способствовало кристаллизации ... длинного списка бинарных разграничений, образующих культурный фундамент капиталистической мир-экономики XIX и XX вв.: буржуа пролетарий, мужчина и женщина, взрослый и несовершеннолетний, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы, образованные и неграмотные одаренные и бесталанные, профессионалы и любители, ученые и дилетанты, высокая культура и низкая, гетеро- и гомосексуальность, норма и отклонение от нее, и конечно же, как обобщение всех этих бинарных противопоставлений, – цивилизованный и варвар»².

Смысловое поле феномена гражданина, института гражданства и гражданственности можно описать с помощью «структурно-семантического каталога бинарных оппозиций». Перечень И. Валлерстайна касается культурных оснований, которые позволяют включать или исключать те или иные категории населения из сообщества граждан того или иного государства. Однако если попытаться выявить инвариантное содержание различных конфигураций гражданства и его дискурса в разных странах, то получится, что смысловое поле в принципе образуется пересечением нескольких основных пар противопоставлений. Культурная матрица, лежащая в основе гражданства и гражданственности, и внешним и внутренним (ментальным) образом структурирует наличное население той или иной страны по нескольким осям: 1) горизонтальная ось – деление на «своих» («друзей») и «чужих» («врагов»); 2) вертикаль – на «господствующих» и «подчиняющихся»; 3) ось, образуемая оппозицией эгалитарного и элитарного, устанавливает меру равенства и неравенства (различий, связанных с действием принципа личной свободы) между «своими» внутри государства, в политической системе как системе реализации политических прав; 4) ось, образуемая оппозицией публичного и частного, показывает конкретную степень реализации частных и публичных прав гражданина в условиях того или иного политического режи-

¹ По мнению И. Валлерстайна, «гражданство всегда не только включает, но и исключает» (Цит. по: *Малинова О.Ю.* Указ. соч. С. 9).

² Там же.

ма, задает характер соотношения частной и публичной сферы жизни людей.

Гражданственность представляет собой внутренний, ментальный план гражданства, в котором действует та же «бинарная машина культуры» и который представляет собой культурно-содержательный, идеологический и социально-психологический способ (механизм) объединения граждан в некую политическую общность (идентичность) и мобилизации их деятельности в каком-то сходном (отчасти заданном верховной властью) направлении. Это многоуровневый способ сплочения людей: его чувственный уровень порождает чувство принадлежности к определенной общности, чувство сопричастности общему, рациональный – различные формы специализированного, политического, идеологического и теоретического сознания и самосознания нации; можно говорить и о бессознательном «инстинкте» общности и т.д. В силу пронизанности культурными противопоставлениями национальная идентичность («дух нации», гражданственность) в той же мере отделяет данную общность (группу) людей от других общностей и групп, в какой сплачивает входящих в нее индивидов, «просеянных» этой культурной матрицей. Культурная матрица действует изнутри, то есть сами люди с помощью собственной культуры как культуры бинарных различений и медиаций осуществляют отбор. Исторически этот процесс носил стихийный характер, сами культурные принципы этого отбора, усваиваясь посредством языка и других форм культуры, для массы скорее интуитивно чувствовались, нежели осознавались. Основные параметры культурной матрицы национального гражданства сформировались в западной культуре в XVII – середине XIX в.

Описание институционального измерения феномена гражданина поневоле выводит на проблемы его культурной и ментальной основы. В связи с этим в самом институте гражданства можно выделить три аспекта: 1) устойчивая правовая связь (статус) между индивидами и государством, выражающаяся в наличии взаимных прав и обязанностей; 2) «совокупность институционализированных социальных практик» (М. Сомерс), существование которых детерминировано конкретной социальной и культурной средой; 3) особая идентичность, связанная с членством в политическом сообществе. Следовательно, в гражданстве

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

присутствуют институциональный (социальный и политико-правовой), практический (деятельностный) и культурный (или ментальный) аспекты. Гражданство фиксирует и отношения между индивидами и государством, и практическую деятельность, направленную на поддержание или ликвидацию данного состояния отношений, а также комплексное многоуровневое качество субъектов деятельности и отношений, включающее ментальные формы, ценностно мотивирующие и побуждающие данных субъектов к социальному действию в определенном направлении. Последнее имеет еще и социально-психологический смысл. Все аспекты гражданства взаимосвязаны между собой и оказывают воздействие друг на друга. Институциональные параметры феномена гражданина представляют собой овеществление культурных и ментальных форм с их принципом бинарных оппозиций и поисками способов их медиации.

Принцип равенства был распространен на более широкие слои населения, что существенно видоизменило характер иерархии и доминирования. Вертикальному измерению власти были противопоставлены демократические идеалы политики, направленные на развитие форм непосредственного участия различных слоев населения в управлении государством. «Очевидный факт состоит в том, что идеалы демократии остались в большей мере тем же, что они представляли собой в IV в. до н.э., за одним важным исключением: стала “цениться” отдельная личность. А если идеалы демократии – это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не представительной демократии»¹. Однако историческая практика не адекватна идеалу. Политическая система представительной демократии, институционализировавшаяся в качестве государства, предполагает восстановление вертикали иерархии и доминирования. За тем, какие понятия использовались в законодательстве, как шел реальный процесс структурирования власти, действительно стоят интересы элиты буржуазии: воля к собственной власти посредством отсечения от таковой как аристократии, так и народных масс. Отсюда ненужность для «третьего сословия» последовательной, абсолютной демократии и реального участия масс в осуществлении политической власти. Отсюда и вве-

¹ *Сартори Дж.* Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 719.

дение принципа представительного правления (парламентаризма) в конституционное законодательство США, Франции и других европейских стран, посредством системы имущественных и иных цензов существенно ограничивающего круг граждан, обладающих избирательными правами. «Представительная демократия по существу явилась политическим инструментом совмещения идей народного суверенитета, суверенитета нации, с эффективным правлением, осуществляемым элитой»¹. Таким образом, буржуазная идеология стала формой медиации между принципами эгалитаризма и элитарности и основой современного конституционализма. Несмотря на то, что в конце XIX – начале XX в. наблюдался ряд колебаний между этими принципами, особенно в сторону усиления эгалитаризма под напором массовых политических движений, проявляющегося в виде закрепления институтов прямой демократии в конституциях многих стран, подвижный баланс этих принципов в целом сохраняется и к началу XXI в.² Институты прямой демократии сочетаются с институтами партисипаторной, делиберативной и иных форм демократии в общей структуре представительной демократии.

В результате взаимовлияния множества социокультурных факторов, а также их философско-правового обобщения и рационализации, к концу XVIII – началу XIX в. предстал зрелый феномен гражданина как центральной фигуры европейской цивилизации Нового времени. Общий комплекс фундаментальных принципов либеральной цивилизации, представляющих собой взаимодействие институциональных (структурных, устойчивых, объективных) и культурно-содержательных, ментальных (динамичных, субъективных) характеристик общности граждан и соответствующих черт, касающихся социально-экономического, политико-правового и духовного статуса личности в государстве, можно считать основой модели гражданина. Этот комплекс включает следующие положения либерализма: «1. Априорная ценность человеческой личности. 2. Исходное “естественное равенство” людей. 3. отождествление сущности человека с целеполагающей рациональностью, а целевых мотиваций личности – с мо-

¹ Гунель М. Введение в публичное право. М., 1995. С. 89-97. Цит. по: Руденко В.Н. Указ. соч. С. 88.

² «...в настоящее время вектор развития существующих форм народовластия направлен в сторону совершенствования и укрепления представительной демократии» (Там же. С. 399).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ральной добродетелью. 4. Реальность неотчуждаемых прав и свобод личности (прав на жизнь, свободу, собственность и т.д.). 5. Главная функция государства – обеспечение и защита естественных прав. 6. Взаимоотношения индивида и государства определяются фундаментальными договорными актами – метафизическим общественным договором, артикулированным в конституции. 7. Верховенство конституционно-правового закона, которому подчинена деятельность государства и в рамках которого личность действует свободно (дозволено все, что не запрещено законом). 8. Ограничение прерогатив государства в сфере частной жизни граждан (семейной, экономической, культурно-духовной). 9. Система разделения властей как гарант стабильности правового пространства самореализации индивида, относительное главенство законодательной власти в виде представительной системы. 10. Легитимность правосознания личности вкупе с автономностью ее нравственно-ценностной ориентации»¹.

Политический театр эпохи буржуазных революций, или социокультурная динамика феномена гражданина

Мы рассмотрели два ряда факторов как два измерения модели гражданина Нового времени. Но каков механизм ее функционирования? Воспроизводство феномена гражданина осуществляется благодаря повторяющемуся процессу взаимодействия зрелых культурных и институциональных форм, или циклично-поступательно эволюционирующему взаимопереходу ценностного содержания этоса гражданина, бытующего в массовой и индивидуальной ментальности, в систему институтов представительной демократии. Этот взаимопереход обусловлен конкретно историческим контекстом социокультурных условий бытия гражданина, складывающимся в результате сложения двух относительно самостоятельных процессов, каждый из которых обладает собственной «логикой» развития. Изменение контекста влечет за собой изменение каждого из параметров действующей модели гражданина, а следовательно и ее трансформацию. Возможность вскрыть этот механизм социокультурной динамики власти, по

¹ Гуттов Е.В. Либерализм // Современный философский словарь. Лондон, 1998. С. 446.

мнению В.В. Скоробогачко, дает социология знания, представленная работами П. Бергера, М. Дюверже, Т. Лукмана¹. В опоре на логику В.В. Скоробогачко попытаемся показать действие механизма воспроизводства феномена гражданина. Посредством понятия объективации, используемым в социологии знания, можно объяснить процесс конструирования социальной реальности. Как структурные элементы социальной реальности, как упорядоченная и организованная в целостность «совокупность идей, верований и обычаев» (М. Дюверже), социальные институты являются типизациями социальных действий и отношений, задающими их правила, границы и направление.

Институт гражданства представляет собой типизацию множества совершаемых на практике действий и отношений, в которых осуществляются взаимные права-обязанности гражданина и государства. Из всего многообразия отношений институт гражданства фиксирует лишь те, которые соответствуют законодательным нормам и образцам, и поддерживает, воспроизводит их в качестве безличного институционального порядка. Этот порядок осуществляет функцию социального контроля отношений, приведения любых отклонений от норм к установленному образцу. «Процедура легитимации является способом поддержания устойчивости институтов представительной демократии и гражданства. «Через процедуру легитимации, ее когнитивный и нормативный аспекты, скрывается субъективное измерение социальной реальности вообще, институционального порядка в частности»². Функционирование института гражданства, обеспечиваемого политической системой представительной демократии, базируется на дотеоретическом элементарном знании (ментальности) граждан. Это знание представляет собой «совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и т.п., для теоретической интеграции которых требуются значительные интеллектуальные усилия»³. Режим воспроизводства и трансляции институтов государства и гражданства следую-

¹ Скоробогачкий В.В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. С. 178.

² Там же. С. 179.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности ... С. 109.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

щим поколениям действует в той мере, в какой «знание в возвратно-поступательном движении проходит циклы объективации и субъективации», экстернализации и интернализации. «Иными словами институциональный порядок реализуется в актах коммуникации, осуществляемых посредством языка»¹. Общественное мнение, пресса и публика выступают в качестве факторов коммуникации и социокультурной динамики власти, придающих публичной власти форму представительной демократии.

Общественное мнение в Новое время стало независимой от официальной власти структурой, равномошной ей. Нижний «этаж» общественного мнения составляла совокупность бесед, разговоров, ведущихся в кофейнях, кафе, клубах и т.д. В такой коммуникации стирались сословные различия и устанавливались периодически возобновляемые отношения равенства². Верхний его уровень был образован мнениями «экспертов» – общественных и политических лидеров, профессионалов-теоретиков и идеологов. Пресса, тиражирующая общественное мнение, становилась способом производства и смены власти, влияющим на ход избирательного процесса, функционирование власти в период между выборами и установление той или иной иерархии ценностных приоритетов. Эволюционируя, пресса приобретала все большую власть над процессом социализации личности.

Публика как субъект коммуникации есть некая неформальная общность граждан, существующая в пространстве гражданского общества и задающая нормы и стереотипы публичной жизни. Эти нормы – «система речевых знаков, управляющая жизнью кофейен», определенная манера разговоров, ориентированная на общие темы, театральность, условность, демократизм общения, «непосредственность, рождающаяся из притворства», готовность активного участия в общении, активное восприятие слова (знака), «язык как знаковая система, отделенная от личности говорящего», способы чувствования на публике и другие создавали особый, присущий лишь XVIII – началу XIX в. баланс

¹ Скоробогачкий В.В. Указ. соч. С. 180.

² «Тут действовало основное правило: в интересах наибольшей полноты информации сословные различия временно упразднялись» (Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. М.: Логос, 2002. С. 94).

частного и публичного в бытии человека¹. Р. Сеннет характеризует это единство и взаимоограничение публичной и частной сфер как «молекулу общества» того времени².

Публика XVIII – середины XIX в. в отличие от «народа-избира-теля» как сосредоточенной массы, представляла собой рас-средоточенную, невидимую общность людей, возникающую

¹ «... в кофейнях люди могли общаться, почти не раскрывая при этом своих истинных чувств, своего прошлого, своего чина. Конечно, человека могли выдать интонация, одежда, умение выражать свои мысли, но суть-то как раз была в том, чтобы не замечать всего этого. Искусство ведения беседы было такой же условностью, как правила, касающиеся одежды, хоть и служило противоположной цели – уравнивало собеседников. Эта пара условностей позволяла незнакомым людям общаться, не касаясь при этом вопросов личной сферы» (Сеннет Р. Указ. соч. С. 95).

² «Публичное» поведение, во-первых, предполагает отстраненность от самости человека, его прошлого, его положения, его нужд; во-вторых, оно связано с ощущением неоднородности». Публичная сфера входит в систему равновесия в обществе. «...как часть некоего целого, она обладает определенными значениями в области политического поведения, концепции прав человека, устройства семьи и ограничения полномочий государства...» «граница между публичным и приватным ... была стержнем организации общества в XVIII в.». Приватный, или естественный мир определялся общностью симпатий – чувством сострадания и внимания к нуждам других независимо от их социального положения. Идея, что человек обладает естественными правами, является логическим следствием подобного определения природы человека. Люди эпохи Просвещения почитали природу, в том числе и природу человека, за божество, веря в силы человека. «Подобное восприятие, выраженное в терминах противопоставления приватного/природы и публичного/культуры, означало, что между двумя сферами существовали скорее отношения взаимозависимости и взаимоограничения, нежели непримиримого противостояния. Приватная сфера влияла на сферу публичную, ограничивая контроль условных правил выражения эмоций над чувством реальности; вне этих границ человек имел свою собственную жизнь, способы выражения эмоций и права, над которыми были не властны никакие условности. Но и публичная сфера выступала в роли корректирующего фактора. Естественный человек был животным; ...публичная сфера исправляла природный дефект, который имел бы место, будь жизнь подчинена лишь закону родственной любви, а именно – отсутствие цивилизованности» (Сеннет Р. Указ. соч. С. 99-100, 103).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

вследствие сходных реакций на события общественной жизни и ощущающих некую связь – информационную близость, психологическое единство. Публика служила связующим звеном между гражданином и системой представительной демократии, формируемым общественным мнением и прессой. Как феномен городской цивилизации, порожденный столицами, публика характеризовалась следующими чертами: стремлением к эгалитарности, разрушению сословных границ, ориентации на усредненные образцы мышления и поведения, возникающие в результате смешения сословий и отказа от учета различий в происхождении и социальном статусе; подверженностью влиянию значимых событий, мнений, идей, персон, олицетворяющих эти мнения; эмоциональной и интеллектуальной отзывчивостью и импульсивностью; склонностью к «идеализации повседневности», к «одухотворению сферы частного» путем облечения собственных интересов в теории и «возвышения их страстями»¹; амбивалентностью (как живое и динамичное явление, публика проявляет не только свойства открытости, эгалитарности, но и черты податливости к целенаправленным влияниям, манипулятивности); способностью к осуществлению и трансляции опыта социального согласия и разрешения конфликтов. Если в сфере экономики того времени главным условием бытия гражданина была конкуренция и различные формы насилия (Н. Элиас), разобщающие людей, то, становясь частью публики, гражданин оказывался в поле владеющего публикой чувства сопричастности единому, где обособленные частные интересы отступали на второй план. Общественное мнение в целом становилось устойчивым средством достижения общественного согласия, то есть инструментом политики. По сравнению с публикой парламент был лишь более институционализированной формой и способом принятия общественно значимых политических решений, законов и норм.

Общественное мнение, публика и пресса выступали в качестве каналов, опосредствующих ментальное и институциональное измерения феномена гражданина. Распространяя этос гражданина, ценностные ориентации, стереотипы разрешения конфликтов, типичные мотивации, поведенческие установки и т.п., публика формировала новые отношения и кодексы поведения, служила живым способом социализации граждан, способствовала усвоению ими

¹ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., 1998. С. 274.

роли публичного лица, активного участника общественных событий. Как анонимный член публики, обращаясь к общим проблемам и выражая собственную эмоциональную сопричастность, гражданин играл роль публичного человека, находился в «маске актера»¹. Одновременно происходило взаимное отделение ролей частного и публичного человека, «дома» и «улицы». Свидетельством дифференциации публичного пространства на сферу публичного и частного стало появление в ряде европейских стран специальной домашней одежды, обособление семьи, открытие детства как особого периода жизни и т.д.

Общественное мнение как средство установления временного единства, существенно отличается от идеологии, основывающейся на противопоставлении идеала и действительности и стремлении к возвышению действительности до уровня утопии². Приближая идеологические проекты к реальности, растворяя их в повседневности, снижая их революционный потенциал, общественное мнение составляет социокультурное пространство зарождения политических процессов, которое служит постоянным средством косвенного контроля и страховки от крайностей для собственно политических институтов, предохранения от излишней последовательности в проведении одной единственной идеологии. Диффузное и изменчивое мнение публики создает почву для социально-политического и идеологического плюрализма. Публика качественно, содержательно представляет средние слои населения, распространяет их образ жизни, правовые, политические, этические, эстетические вкусы, предпочтения, установки, стереотипы действия и мысли, типичные схемы поведения и социальные практики³. Среди условий формирования среднего класса как социальной основы политической системы представительной демократии, особую значимость имеют цивилизационные факторы, представляю-

¹ «Публичный человек – актер». За этим образом стоит «концепция самовыражения как театрального представления эмоций» (Сеннет Р. Указ соч. С. 120).

² Скоробогачкий В.В. Указ. соч. С. 184.

³ «...публика является социокультурной матрицей среднего класса, в происхождении и формировании которого ведущую роль играли и играют не экономические, а социокультурные факторы» (Скоробогачкий В.В. Указ. соч. С. 185).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

щие собой отлаженную систему социализации личности в соответствии с требованиями политической системы. Система политической социализации личности «подгоняет» семью, образование, массовую культуру и досуг под цели производства среднего «морального» гражданина, исправно выполняющего свои функциональные обязанности.

Духовным источником легитимации власти в системе представительной демократии выступала добродетель гражданина (гражданский этос), включающая доверие граждан к государству, своим происхождением обязанное религиозному авторитету власти. Добродетель гражданина означает признание разумности законов государства и возникающего на их основе политико-правового порядка, законопослушность. Она вырастает на основе доверия гражданина к обществу, готовности к социальному сотрудничеству и партнерству, формируемых традициями самоуправления. Эти моральные принципы – «любовь к законам и отечеству», «постоянное предпочтение общего блага личному»¹, то есть патриотизм и чувство справедливости (права) как начало правосознания, составляют основания демократической политики Нового времени.

Этос гражданина является продуктом развития культуры и в этом смысле обладает собственной логикой бытия. Но в немалой степени он есть и результат господствующей идеологии, степень его распространения пропорциональна ресурсам власти. Наличие альтернативных политических сил и идеологий в Новое время породило многообразие версий гражданственности – либеральной, консервативной, марксистской, социал-демократической и т.д. Содержание той или иной версии этоса обусловлено его историческим «возрастом» (периодом восхождения или упадка) и социокультурным контекстом. Под воздействием преобладающих стилей в искусстве и культуре эти версии приобретают романтический²,

¹ *Монтескье Ш.* О духе законов. М., 1999. С. 27.

² Показательными в литературе Просвещения являются, например, образ Карла Мора в «Разбойниках» Ф. Шиллера; в романтизме – образ Прометея (у Гете и Байрона): «Ты добр – в том твой небесный грех / Иль преступление: ты хотел / Несчастьям положить предел, / Чтоб разум осчастливил всех! / Разрушил Рок твои мечты, / Но в том, что не смирился ты, / Титан, воитель и борец, / В том, чем была твоя свобода, / Сокрыт величья образец / Для человеческого рода! / Ты символ силы, полубог, / Ты озарил

реалистический¹, прагматический и т.п. характер. Однако все они обнаруживают черты сходства, обусловленные общей платформой – установками либерализма. Признание автономии личности (и гражданина как ее политического «лица», или политической роли личности) стало символическим и отчасти реальным актом наделяния гражданина политической властью. Гражданин стал рассмат-

для смертных путь – / Жизнь человека, светлый ток / Бегущий, отменяя муть... / Отчасти может человек / Своих часов предвидеть бег: Бесцельнее существованье, / Сопротивленье, прозябанье... / Но не изменится душа, / Бессмертной твердостью дыша, / И чувство, что умеет вдруг / В глубинах самых горьких мук / Себе награду обретать, / Торжествовать, и презирать, / И Смерть в Победу обращать» (Прометей // *Байрон*. Избран. произведения. М., 1953. С. 48). Или Конрад в «Корсаре» Байрона интересен не только доблестью и др. качествами одинокого героя-бунтаря, не только негативными свойствами, вытекающими из «профессии», но, в первую очередь, знанием «искусства власти» над толпой («Он знал искусство власти, что толпой / Всегда владеет, робкой и слепой. / Постиг он приказаний волшебство, / И, с завистью, все слушают его. / Что верно спаяло их, – реши! / Величье Мысли, магия Души! / Затем успех, которым он умел / Всех ослепить, и обаянье дел / Отчаянных, что слабым их сердцам / Тайком внушал, стяжая славу сам. / Всегда так было, будет так всегда: Лишь одному плод общего труда! / Закон природы!...») (Корсар // *Байрон*. Указ. соч. С. 152). Дух революционного романтизма в живописи передан полотнами Э. Делакруа («Свобода, ведущая народ»), Т. Жерико, Ж.Л. Давида («Клятва Горациев») и др.; в музыке – произведениями Л. Ван Бетховена (Третья симфония «Героическая», «Аппассионата» и др.), Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Ф. Листа. Но уже у Бомарше и В.А. Моцарта в образе Фигаро – новая ипостась бюргера. Все эти образы выражают многообразие проявлений феномена гражданина и его этоса.

¹ В критическом реализме XIX в. появляются образы, вскрывающие «теневые» стороны главных субъектов бюргерского общества, например буржуа-накопитель в повести О. де Бальзака «Гобсек», или образы народных, пролетарских борцов за свободу у Э. Золя в романе «Жерминаль». В музыке этого стиля (Дж. Верди, Б. Сметана и др.) находят выражение борьба народа за независимость, национальный дух, патриотизм. В графике Э. Мане – трагические образы борцов времени конца Парижской коммуны, протест против буржуазной цивилизации в целом – у П. Гогена. Лишь в произведениях О. Родена еще живы идеалы гражданского мужества, соединения разума и титанообразного тела рабочего («Мыслитель»). В целом в рамках искусства происходит отход от идеалов Просвещения, внимание переключается на действительность во всех ее проявлениях.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

риваться в качестве автономной единицы, элемента политической системы общества, институциональная функция (социальная роль) которого состоит в участии в процессе делегирования собственной власти «представителям» – элите, а культурная функция – в участии в процессе легитимации власти, осуществляемой гражданским обществом или нацией как единством гражданского общества и государства. В обмен на полученные избирательные права гражданин был наделен обязанностями по отношению к «его собственной» власти – участвовать в выборах, исполнять законы, нести воинскую обязанность, платить налоги и т.д. Этим была обеспечена лояльность гражданина по отношению к государственной власти. Произошло, с одной стороны, разделение и взаимоопределение частной и публичной, экономической и политической, правовой и моральной, религиозной и светской сторон жизни гражданина, а с другой – соединение всех его ипостасей: как частного и публичного лица, как элемента института гражданства, как члена гражданского общества и нации-государства и как носителя национальной культуры.

У духа гражданственности много ликов, красок, оттенков. Но какие бы воплощения он не принимал – в виде героев революции или отцов нации, нельзя забывать о его амбивалентности в каждый исторический момент, с одной стороны, и о его конечном энергетическом потенциале, о его временных границах, за пределами которых он распадается, с другой. Наивысшая степень проявления этого духа принадлежит времени его рождения и расцвета – эпохам революций и национально-освободительных войн. Первенство здесь, безусловно, принадлежит духу Французской революции 1789 г. Поначалу он отмечен общностью целей, единством, жертвенностью служения республиканским идеалам, массовым воодушевлением, пылом, энтузиазмом, революционным романтизмом, преданностью вождям, верой в возможность осуществления утопических целей, верностью демократическим принципам, воинственностью и стремлением защитить идеалы революции¹ и т.п. В

¹ «Дневники» Т.У. Тона, лидера ирландского демократического движения, искавшего у французской Директории военной помощи, свидетельствуют об этом: «На первых порах Франция показалась мне нацией гражданской доблести, новыми Афинами»,... «нацией победителей», «нацией воинов»; республиканская армия представляла, по его словам, «вооруженную

такие моменты формируется этос республиканца-демократа, этический стержень, меру добродетели и порока которого составляет понятие чести и достоинства гражданина республики («Титана, свергнувшего монарха и провозгласившего республику»). Искусство (живопись, поэзия, театр) облачает революционный этос в античные одежды. Массой овладевает жажда обновления и творчества, страсть к переименованиям и перевоплощениям – меняются названия улиц и площадей, «Пале Руаяль» становится «Дворцом равенства», отель получает название «Равенство», на фронтоне церкви появляется надпись «Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души»¹.

Однако в зависимости от характера реальных действующих лиц, носителей духа, он принимает разные обличья – героизма, насилия, ненависти к врагам революции, мародерства, погромов, духа наживы и стяжательства, смуты и т.д. Демократический дух Франции, «отечества революции», создал новое основание для деления нации на «своих» и «чужих» (и соответствующую дифференциацию во внешней политике) – и она (нация) распалась на партии аристократов и демократов. Он вызвал к жизни новые, вынужденные и добровольные формы жестокости к врагам революции, создал хаос, из которого так противоречиво, с отступлениями и зигзагами, рождался новый буржуазно-демократический порядок – конституционный строй представительной демократии. Дух этот, пробудивший стремление к свободе, равенству, братству, взбудораживший все слои не только французской, но и других европейских и иных наций, силой своей вызвал волну страха и внутренних репрессий со стороны монархических режимов.

Тем не менее за стихийным импульсом революционного духа видится и роль «искусственно вызванного воодушевления» – могучее воздействие театрализованных представлений и новых ритуалов² на ход революции и последующие события. Театральные

нацию» (Андерсен К.М. Франция времен Директории в «Дневниках» Т.У. Тона // Французская революция XVIII века. М., 1988. С. 197).

¹ Там же. С. 195.

² Т.У. Тон отмечает феномен театрализованной политики этого времени и описывает зрелища, свидетелем которых он был: постановку «Отелло» в республиканской трактовке – правку Шекспира в соответствии с тем, что «нравственность французской нации не может допустить траги-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

действия часто воспринимались за отражение самой революции, их правдоподобность достигалась повсеместностью представлений, искренней игрой актеров, игравших «самих себя», французских граждан, «берущихся за оружие, чтобы спасти свою отчизну от рабства». Этим обеспечивалась психологическая идентификация зрителей с ожидаемой от них (и требуемой властью) ролью идеального гражданина нации-государства и составляющими ее долгом, действиями, чувствами. Эта условная игра (актеров, верящих в свою роль и публичную силу воздействия, и зрителей, вдруг ощущавших в себе эту идеальность – «гражданскую доблесть», способность к героизму) приносила вполне ощутимый эффект. Но лишь на время.

Спад воодушевления и самого духа гражданственности во Франции начал ощущаться спустя месяцы после революции при столкновении с подлинной реальностью и нетеатрализованным лицом политики. Произошло обострение внешних и внутренних проблем республиканского правительства, обессиливание от войн и возникающего сопротивления местного населения (в Англии, Италии и др.) «освободителям», установились обычаи контрибуции с побежденных, навязывание генералами (Бонапартом, в частности) своих установлений народам – «покушение на неотъемлемые права народов», долги Директории, бюрократия, вымогательство и злоупотребления властью. Постепенно выявлялось несходство французов с возвышенными героями античности и нарастало безразличие масс к политике, апатия, скука от «Марсельезы» и патриотических балетов, раздражение от хаоса и беспорядков, обнищания, утрат. Безучастное отношение народа к призывам рояли-

ческого финала); «патриотические» пьесы в театрах и церквях; оперу «Подношение свободе» в соборе Парижской богородицы в виде ритуала подношения цветов представителями угнетенных народов к алтарю перед статуей Свободы, сопровождаемого «гражданскими» песнями, «Марсельезой», выносом трехцветного знамени, строем национальных гвардейцев и актеров в греческих одеяниях. Оперу венчал призыв хора: «К оружию, граждане!»; торжественные действия «внесения юношей в списки избирателей» или призыва в армию и т.п. Т.У. Тон заостряет внимание и на умении властей устраивать торжества – обеспечивать повсеместность постановок, заказывать их талантливым исполнителям, оформлять их портретами кумиров, политиков, героев дня и т.п. (*Андерсен К.М. Указ. соч. С. 198*).

стов или ультрареволюционеров определялось желанием «спокойствия во что бы то ни стало». Постепенно выяснялось, что «нация, познавшая свободу», становится способной изменить ей.

Новоевропейский этос, культивируемый властью, имел два вектора, две обращенности: к нации как общности граждан, идентифицируемой в качестве публики, и к отдельному гражданину – персоне. Первый вектор схватывается понятиями «дух нации», «национальная идентичность», «национальное самосознание», «культура гражданской нации», «политическая культура нации»¹ и т.п.; второй – понятием «гражданская идентичность», «ментальность гражданина», «политическая культура гражданина», «гражданская культура»² и т.п. Оба ряда понятий служат целям легити-

¹ К культуре народа Ф. Фукуяма относит чувство национальной идентичности, религию, социальное равенство, склонность к образованию гражданского общества и исторический опыт наличия либеральных институтов (Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. Б. Левина. М., 2004. С. 333); Политическую культуру нации Г. Алмонд определяет как «распределение образцов ориентаций относительно политических объектов среди членов нации». Ориентации относятся к интернализированным аспектам социальных объектов и отношений и включают: 1) когнитивные ориентации, то есть знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей...; 2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей; 3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств (Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М., 1999. С. 561); в этом же ключе данное понятие рассматривают: Зонтхаймер К. Политическая культура Германии // Актуальные проблемы Европы: экономика, политика, идеология: Реф. сб. / РАН ИНИОН. Вып. 3. М., 1991; Кейзеров Н.М. О соотношении гражданской и политической культур // Социально-политический журнал, 1991. № 7; и др.

² Almond G. et. al. The Civic Culture. Princeton University press, 1963; Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис, 1994. № 4; Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь, 1993. № 3; Росалес Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис, 1995. № 6.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

мации власти. Отсюда двойственность этоса: он одновременно адресован и принадлежит и нации, и гражданину. Различные грани новоевропейского этоса передаются понятиями «буржуазность», «цивилизованность», «гражданственность», каждое из них обладает двойственным смыслом, имеет свое раннее – позитивное и позднее – сниженное значение.

«Дух нации» – понятие, которое создает специфическое, нововременное взаимоотношение полюсов одной из ведущих в модели гражданина бинарных оппозиций – оппозиции *свои – чужие*. В нем фиксируется тот этап действия «бинарной машины культуры», когда происходит смена основания противопоставления своих и чужих: на место христианского этоса, противопоставляющего христиан нехристианам, ставится секуляризированный «дух нации» – политического сообщества граждан. Теперь «Мы» («свои», «друзья», «наши» и т.п.) – это нация, отталкивающаяся от других наций, рассматривающихся как «Они» («чужие», «враги»). Западноевропейский этос гражданственности – светская, или «гражданская религия», комплекс индивидуального и национального самосознания, который включает формально-рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие гражданской нации и гражданина в качестве суверена, автономного субъекта политики, права, религии и морали. Специфической разновидностью данного этоса является «американское кредо» (или «вера»)¹, «родовые признаки» которого в принципе близки европейским. Ядром гражданственности является рацио-

¹ Основу американской национальной идентичности, по мнению С. Хантингтона, составляет англо-протестантская культура, включающая «политические и социальные институты и практики, «унаследованные» от Англии, в том числе ... английский язык, а также идеологию и ценности протестантов». Причем политическая идеология либерализма – лишь более позднее рациональное оформление «американской души» – того эмоционального содержания национальной ментальности, которое порождается «кровью и почвой», «совокупностью ритуалов, гимнов, практик, этических заповедей и запретов, литургий и пророчеств» и которое определяется «общей историей, традицией, культурой, общими героями и злодеями, победами и поражениями, воплощенными в памяти», практическим опытом, привычками, обычаями участия в демократических институтах, и которое представляет собой смешение этнических и расовых признаков, общего языка, культуры и религии (Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 105, 529).

нальное отношение (приятие, доверие) к государственной власти, признание ее легитимности, то есть политическая лояльность гражданина, подразумевающая его способность к деятельному участию в политической жизни общества. Гражданский этос немислим без исторического опыта самоорганизации, солидарности и участия граждан в функционировании институтов местного самоуправления и представительства, присущего населению западных стран. Содержательным основанием этой «гражданской религии» выступают ценности индивидуализма, демократии, патриотизма и национального достоинства. Национальное самосознание – это чувство общности, идентичности гражданина и нации, ощущение всей нации как круга «своих». Один полюс его составляет политическое сознание национально-государственного единства граждан, другой – восходящий к этническому пониманию нации этнонационализм, опирающийся на дотеоретические, дорефлективные уровни психики, связанные с бессознательными механизмами ощущения кровнородственного родства. У ценности достоинства нации есть разные степени интенсивности проявления: от комплекса ущемленности национального достоинства (национальной неполноценности) до умеренного национализма (проявляющегося в конкуренции наций-соседей) и, наконец, до экспансионистских устремлений комплекса национального превосходства (цивилизаторской миссии), находящих выражение в реальной колониальной политике по отношению к «недоцивилизированным» нациям (вплоть до крайностей нацизма и шовинизма) или, позже, в более тонких, ненасильственных формах экономического и информационного господства.

Понятие этоса позволяет выделить нормативно-ценностное содержание в социально и политически локализованных социокультурных практиках. Этос представляет собой смешение идеально-должных представлений о политической реальности, существующих в теоретической, идеологической и нормативно-правовой формах, и повседневных политических нравов (обычаев, практик) общества, дающее совокупность представлений о реально-должном в политической жизни. Этос составляют исторический опыт самоорганизации и солидарности, обыденные стереотипы восприятия, оценок, мнений, типичные практики и схемы политического действия, или «габитусы» (П. Бурдьё) морального, правового и политического действия; степень повседневной цивилизо-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ванности. Гражданственность – практически-духовное комплексное качество политической культуры (как единства политической ментальности и политического поведения), присущее активной части граждан как основы нации. Это качество включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты и проявляется в установках к реально-должному политическому поведению. Как многомерное и многоуровневое образование, гражданственность характеризуется сочетанием элементов теоретического, эмпирического и обыденного уровня политического сознания и опыта социально-политической деятельности. Пик зрелости гражданственности падает на XVIII – начало XIX в. Характерной чертой данного периода западноевропейской культуры было равновесие публичной и частной жизни гражданина. Основой последнего выступала идея трансцендентной природы человека, пришедшая на смену религии. В массовой ментальности это отражалось в распространении убеждения людей в зависимости общественных и государственных дел от усилий социальных групп и отдельного человека. Это было время, когда вера в непосредственную жизнь человека, вытеснив веру в богов, все же сохраняла постулаты необходимости нравственности и самоограничения личности в проявлении интимных импульсов на публике. Личность выступала в качестве социального принципа, равновеликого нации и государству.

В этос, или содержание социальной роли гражданина Нового времени входит комплекс предписаний, требований, норм, предъявляемых к отдельному индивиду (члену гражданского общества и государства-нации) и ожидаемых общностью. На основе суждений Н. Элиаса о признаках цивилизованности можно выделить следующие требования к ментальности индивида: 1) способность к рациональному самоконтролю, самоограничению и самопринуждению, вырабатываемая посредством разнообразных форм внешнего принуждения, или «аппарат внутреннего контроля», использующий подсознательные и бессознательные механизмы; 2) способность к упорядочиванию и рационализации инстинктов и эмоций посредством механизмов «моделирования аффектов» в соответствии с определенными нормами и стандартами цивилизованности, а также способность к иерархизации мотивов во внутреннем «Я» личности; 3) способность направлять ценностные ориентации личности на достижение отдаленных целей деятельности; 4) спо-

способность к рациональному расчету буржуа – «калькуляции прибылей и убытков» во всех сферах жизни – финансах, сфере социальных, правовых и политических отношений; 5) способность к рефлексии; 6) развитое гражданское политическое и правовое сознание; 7) приверженность моральным обязательствам и долгу¹.

Исполнение роли гражданина зависит от уровня и степени автономности правосознания личности, которое характеризуется таким усвоением цивилизационных ценностей, норм и образцов поведения, когда они воспринимаются как внутреннее достояние личности. Подчинение требованиям, заключенным в роли гражданина, является для индивида результатом его собственного внутреннего выбора и свободной воли, выступает как добровольное самопринуждение. Одним из проявлений автономного правосознания становится законопослушность, опирающаяся как на правовые традиции и привычки правоприменения в профессиональной деятельности и повседневной жизни, так и на «предправовые» уровни нормативной саморегуляции морального, нравственного и религиозного характера. Отсюда впечатление «самозаконодательства» правосознания личности². Исполнение столь сложной социальной роли требует интеграции всех этих качеств воедино. Это не что иное, как необходимость в личности, способной не только адаптироваться к существующим социальным обстоятельствам, но и готовой к преобразованию их в соответствии с собственными потребностями, интересами, целями.

Реальное появление личности такого типа на общественно-политической сцене Европы Нового времени зафиксировано философией. Кант провозгласил абсолютную моральную ценность личности³. Достоинство человека, наделенного разумом, способного

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001. С. 107.

² Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000. С. 243.

³ «Человек, рассмотренный как лицо, то есть как субъект морально-практического разума, – выше всякой цены», ... «он цель самое по себе, то есть он обладает некоторым достоинством (некоей абсолютной внутренней ценностью), благодаря которой он заставляет все разумные существа уважать себя, может сравнить себя с каждым другим представителем

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

добиваться цели с осознанием возвышенности своих моральных задатков, По Канту, – есть утверждение собственного самосознания и самооценки как долга перед самим собой. Отсюда максима: «Не допускайте безнаказанного попрания ваших прав другими»¹. На этой ментальной установке массового индивида западноевропейских обществ держится вся система реализации прав гражданина. В определение понятия «личность» Гегель ввел свободу воли, способность к самосознанию² и рефлексии³, рассмотрев личность в качестве одного из принципов существования гражданского общества⁴.

Каждая культура, по О. Шпенглеру, дает свой ответ на вопрос об основаниях и смысле действительности и человеческого бытия. Ответ фаустовской культуры заключается «в личности, в эмпирическом «я», в характере»⁵. Соединение идеи внешней бесконечности пространства и божественной бесконечности в европейской культуре дало признание человека центром всего мира,

человеческого рода и давать оценку на основе равенства» (*Кант И. Основы метафизики нравственности*. М., 1999. С. 829).

¹ Там же. С. 832.

² «Человек ... по своему непосредственному существованию есть сам по себе нечто природное, внешнее своему понятию; лишь через усовершенствование своего тела и духа, главным же образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владение собою и становится собственностью себя самого и по отношению к другим. Это вступление во владение представляет собою ... осуществление, превращение в действительность того, что он есть по своему понятию (как возможность, способность задаток)...» (*Гегель Г. Философия права // Сочинения*. Т. VII. М.; Л., 1934. С. 81).

³ «...свобода же получается лишь благодаря рефлексии духовного в себя, его различии себя от природного и его реакции на последнее» (Там же. С. 221).

⁴ «Одним принципом гражданского общества является конкретная личность, которая служит для себя целью как особенная, как целокупность потребностей и смесь природной необходимости и произвола, – но особенное лицо, так что оно заявляет свои притязания и удовлетворяет себя лишь как опосредствованное другим особым лицом и вместе с тем как всецело опосредствованное формой всеобщности – другим принципом гражданского общества» Это был «принцип самостоятельной внутри себя бесконечной личности единичного человека, субъективной свободы...» (Там же. С. 211, 214).

⁵ *Шпенглер О.* Указ. соч. Т. 1. С. 344.

признание бесконечности внутреннего, духовного бытия личности, а также возможности ее становления. Отсюда историческое понимание личности и внимание к ее биографии и автобиографии как внешнем и внутреннем становлении. Фаустовский человек в силу его стремления к бесконечному и вечному, к динамике деятельной жизни, находится в постоянном противоречии с чувственными, конечными условиями бытия, в их преодолении смысл его существования. Отсюда значение человеческой воли во всех формах западноевропейской культуры, ее понимание как чего-то самостоятельного и присущего душе каждого человека. Посредством воли «Я» стремится господствовать над «не-я»¹. Воля к власти над чужим обеспечивается волей к власти над собой, обусловленной разумом, определяющим «распорядок притязания нашего «я» на власть». Человек всецело ощущает себя субъектом жизни. Западная этика есть этика действия, в ней «все – направление, притязание на власть, сознательное действие на расстоянии»². В каком бы варианте не выступала западная этика – в религиозном, научном, политическом, каждый из них претендует на всеобщее значение. Несогласные с той или иной позицией расцениваются как враги, с которыми необходимо бороться. Этика долга, основывающаяся на моральных императивах, представляется западным людям единственной и подлинной моралью. Но за всем этим стоит лишь борьба за существование, которая с готического времени лежит в основе западной культуры, и ее наивысшее выражение – воля к власти.

В политике данного периода одновременно действуют две тенденции – к интеграции общества и к профессиональной специализации. В первом смысле политика служит средством установления общественного согласия и инструментом достижения Общего Блага. Она играет роль, подчиненную целям существования общности, и в этой функции нуждается в трансцендентном средстве подтверждения ее полномочий. Вторая тенденция – к дифференциации политики, права и морали, к выделению политики в качестве обособленной сферы деятельности политиков-профессионалов, то есть к элитарности. Здесь политика начина-

¹ «Мужественная воля внутренне быть господином вещей внешнего мира», чувство превосходства над ними» (*Шпенглер О.* Указ. соч. Т. 1. С. 465).

² Там же. С. 450, 441-442.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ет служить способом разделения общества. Когда культура обретает светский характер и основанная на ней политика перестает обеспечивать трансцендентное по происхождению единство общества, то есть побеждает тенденция к обособлению политики и элиты в качестве единственного субъекта общества, управление становится частным делом профессионалов и вырождается в технологию и технику власти. Это чревато разрушением модели политики как системы представительной демократии и модели гражданина как исходной основы и функции этой системы. Первая функция политики связана с проблемой легитимации власти. В XVIII в. место трансцендентного источника власти занял народ-гражданин и его волеизъявление. Однако допущение общей воли народа, направленной к Общему Благу и рассматриваемой как сумма волей граждан, сталкивается с противоречием частного и публичного, с сомнительностью аксиомы о том, что для гражданина всегда большей моральной ценностью обладает общее, нежели частное благо. Идеализация «естественного индивида» сопровождается фабрикацией общей воли со стороны политической элиты. Последняя, обладая монополией на информационную власть, на конструирование иерархии ценностей, стремится партикулярные интересы правящего класса выдать за универсальное Общее Благо. Тем не менее народ санкционирует политическое господство элиты, поскольку именно «элита является 1) носителем культурного образца, по мерке которого формируется публика; 2) источником идей и суждений, транслируемых средствами массовой информации в виде общественного мнения; 3) субъектом культуры государственного управления, его опыта, традиций, принципов и технологий»¹.

Реальное состояние политических институтов представительной демократии, в том числе роль элиты, определяется спецификой ментальности граждан – верованиями, убеждениями, чувствами, идеями, ценностями, исторической и культурной традицией сочетания личной свободы и местного самоуправления с властью государства. «Представительная демократия в большей степени связана с принципом личной свободы, а не с принципом равенства...»². Конкретный режим функционирования политических ин-

¹ Скоробогачкий В.В. Указ. соч. С. 193-194.

² Там же. С. 195.

ституты обусловлены ценностным статусом личной свободы в культуре данного общества. Характер и развитие культуры обеспечиваются элитой как динамичной группой людей, служащей инициатором движения информации, составляющей предмет общественного мнения. Поэтому именно элита является субъектом творчества новых моральных, правовых, экономических и политических ценностей, составляющих этос гражданственности и являющихся верхним уровнем массовой ментальности. Именно она выступает в Новое время в качестве реально субъекта социокультурной динамики власти, а политическая система благодаря ей – в виде элитарной модели представительной демократии.

Новоевропейская личность осуществляла функции медиатора основных бинарных оппозиций, составляющих структуру модели гражданина. Новый анализ и синтез полюсов оппозиции *частное – публичное* был найден и в ментальном, и в институциональном плане. Гегелевское различие и соотнесение понятий человека, бюргера (гражданина) и частного лица стало основой разграничения сферы публичной и частной жизни индивида. В результате отождествления понятий бюргера и частного лица в понятии гражданина Гегелем было выделено два значения: бюргера – частного лица и члена гражданского общества (буржуа), взаимоотношения которого регулируются преимущественно частным правом, и бюргера – публичного лица, члена государства¹. Это разделение создавало возможность рассмотреть конкретного человека как обладающего двойным статусом – субъекта частного права и субъекта государственного права, а также увидеть в гражданине основу синтеза понятий гражданского общества и государства. Философско-правовые идеи Канта и Гегеля стали идейным источником развития теории права и в конечном итоге – создания и совершенствования западноевропейских конституций и гражданских кодексов, зафиксировавших конституционный и частноправовой статусы гражданина.

Медиация полюсов оппозиции *частное – публичное* осуществлялась в разных сферах – религии, морали, праве, политике, и на разных уровнях социального, в том числе в виде соотношения

¹ Riedel M. Buerger, Staatsbuerger, Buerkertum // Geschichtliche grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. I. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1972. S. 34.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ролей частного и публичного человека в жизни отдельной личности. Разграничение и законодательное взаимоотношение публичного и частного права фиксирует взаимное обособление государства и экономики. Государство, использующее положительное право как средство своего господства, ограничено правовой средой гражданского общества, где действует закон, устанавливающий и выражающий нормы субъективного права, то есть нормы отношений между субъектами прав. Основой положительного права является принцип презумпции невиновности, сформулированный Гоббсом. Правовая среда сферы гражданского общества используется государством лишь в целях обеспечения режима систематической реализации субъективных свобод частных лиц. Поначалу субъективные свободы распределены неравномерно между населением, однако порождаемая социальной борьбой тенденция к формальному равенству на протяжении XIX–XX вв. распространяет их на все население. Процесс отделения частного права от публичного приводит к тому, что взаимно определяются три ипостаси отдельного гражданина, зафиксированные И. Кантом: как «человек» он обладает свободой, как «подданный» он равен каждому другому, как «гражданин» он обладает самостоятельностью. Устанавливаются юридическое равенство, человеческая свобода, политический суверенитет гражданина. Отделение частного права от публичного способствует достижению отдельным гражданином самой сути частной автономии.

Новый способ медиации был осуществлен и в оппозиции *господство – подчинение*. Решение проблемы институционального осуществления народного суверенитета предстало в виде ряда теорий – разделения властей (Локк, Монтескье), представительного правления (Гизо, Милль), парламентаризма (К. Шмит), системы сдержек и противовесов и т.д. Но эта же оппозиция была переформулирована и обращена к личности. Тезис Локка о господстве над собой до совершенства довел Кант. Говоря о том, что «каждый – господин самого себя», он противопоставил «власти природы в нас» «власть культуры (морального закона, разума) в нас». Власть человека над собой дает ему основу автономии во внешних отношениях с другими людьми. Этическое учение Канта о началах начинается с части, раскрывающей «обязанности по отношению к самому себе», которые он делит на негативные, направленные на

моральное самосохранение («добродетель как долг воздержания»), и положительные, имеющие целью самосовершенствование («долг свершения»)¹. Долг человека перед собой заключается «в сохранении себя как морального существа, то есть «в запрещении лишать себя внутренней свободы»²: быть «прирожденным судьей над самим собой», то есть обладать «внутренним судьей»³, или совестью; обязанность морального самопознания, или моральной рефлексии. Следовательно, гражданин есть суверен, подобный государству, в котором законодатель, исполнитель и судья совмещаются в одном лице. Но долг перед собой Кант обращает и вовне: «...то, что есть долг человека перед самим собой, считать долгом перед другими»⁴. Долг перед собой Кант расценивает в качестве религиозного долга. Абсолютизация этой точки в культуре Нового времени ведет к ницшеанскому «сверхчеловеку», который становится противоположностью морально ответственного человека. За этим следует угасание этоса новоевропейского человека и гражданина.

Итак, функциональная модель европейского гражданина Нового времени наряду с динамикой и изменчивостью обладает свойством преемственности по отношению к моделям античности и средневековья. Ряд оппозиций, составляющих структурно-семантический каталог инвариантной функциональной модели гражданина, просматривается и в модели гражданина Нового времени. Однако в последней реализованы специфические способы медиации между этими бинарными оппозициями. Оппозиция *свои – чужие* приобрела новый смысл: граждане (националы) своей страны противопоставлены инородцам и населению других стран; «мы» как представители западной цивилизации противоположны «им», представителям нецивилизованных народов. Западный гражданин осознает себя в качестве цивилизатора и действует в соответствии с этим, эта его функция (миссия) исторически оборачивалась колонизацией, экспансией, а в настоящее время воплощается посредством более гиб-

¹ Кант И. Указ. соч. С. 811.

² «...идеальным лицом, созданным разумом для себя, или абсолютно моральным существом – богом» (Там же. С. 812).

³ «Совесть должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед богом за свои поступки; понятие ответственности всегда содержится в самосознании» (Там же. С. 834).

⁴ Там же. С. 837.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ких форм «господства над чужими». В Новое время была осуществлена новая медиация полюсов оппозиции *эгалитарное – элитарное*. Существенно трансформировались критерии доступа в элиту, большее значение приобрели образование, профессиональная компетентность, владение информацией, навыки управления.

Структуры принятия политических решений связываются с новыми формами общественного объединения. Распространение принципа демократического участия влияет на формирование статуса гражданства, способствует интеграции населения в правовой форме, открывая государству нацию в качестве светского источника легитимации. «...предписываемое членство в организации лишь с переходом к демократическому правовому государству превращается в приобретаемое ... членство граждан, участвующих в осуществлении политического господства»¹. Происходит замена статуса жителя (подданного) статусом гражданина государства. Сохраняется коллективность осуществления господства, теперь это общность граждан нации-государства. Социокультурные основания и механизмы легитимации демократического типа господства качественно отличаются от предшествующих типов, им соответствует иная институциональная структура. Но стержень власти сохраняется, отношение *господство – подчинение* теряет свой непосредственный, основанный на прямом насилии характер, но под влиянием множества факторов принимает более опосредованный, ограниченный, скрытый характер отношения *руководство – принятие* (согласие) или *доминирование – участие*. Модель господства-подчинения, действовавшая до эпохи буржуазных революций внутри абсолютистского государства, переносится на внешние отношения данной нации-государства с другими. После многочисленных попыток подчинения себе других европейских государств-наций, каждая из них проецирует отношения господства-подчинения на не равные себе по уровню цивилизации страны и народы, осуществляя их колонизацию. На новом уровне, в новых масштабах происходит «расширенное» воспроизводство античной модели коллективного господства граждан полиса над негражданами. Внутри государства-нации действует формальное отношение *руководство-принятие*, по форме (праву, закону, конституции) между

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. СПб., 2001. С. 207.

политическим руководством (элитой) и рядовыми гражданами действуют принципы равенства. Но вся совокупность институтов демократии и ценностей демократической культуры одновременно и ограничивает, и воспроизводит социальное неравенство. В основе отношений *руководство – принятие* лежит компромисс, согласие субъекта и объекта власти. Ротация управленческих кадров, избирательная система и т.д. обеспечивают формальные и ограниченно реальные возможности трансформации объекта власти в ее субъект. Однако в действительности неравенство сохраняется, противоречие формального и реального политического равенства граждан не теряет актуальности. На практике в современных обществах политическая власть подразумевает смещение и встраивание форм господства и руководства и, соответственно, подчинения и принятия. Господство покрывается флером умеренного руководства, а подчинение предстает в виде согласия с порядком, установленным властью, с сохранением формальной возможности «участия» в принятии политических решений на уровне государства. На практике это участие является во многих случаях «согласием по умолчанию». Фактически представительная демократия является иерархией участия, степень которого определяется доступом к политической информации. Такая иерархия есть структура соподчинения «своих», граждан.

В самих инвариантных аспектах модели гражданства заложен тот тип организации взаимодействия между людьми, который так или иначе предполагает «участие граждан в господстве». Рядовой гражданин, член нации-государства формально равен другим гражданам в участии в управлении лишь внутри собственного государства. Во внешнеполитическом аспекте гражданин цивилизованного государства-нации – один из тех, чьи частные интересы представляет единая политическая воля государства (национальный интерес). От его имени осуществляются международные экономические и политические акции государства. Борьба с терроризмом, войны и т.д. проводятся под лозунгами национальных интересов и безопасности граждан. Внутренний статус гражданина и гарантии его прав основываются на внешнеполитических отношениях данной нации-государства. В этих отношениях есть момент «господства над» – доиндустриальными, «недоцивилизованными» народами других регионов мира, экономически зависимыми от европейских или американской наций.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

Существует определенная взаимосвязь проявлений феномена гражданина во внутренней и внешней политике. В XX в. внутригосударственный и межгосударственный аспекты феномена приобрели качественно иной характер. В XVIII–XIX вв. общность граждан государства («господ») совпадала с буржуазией, существовали внутригосударственные коллизии между нею и промышленными рабочими, не обладающими полнотой политических прав и свобод, не полноправными гражданами, не «своими» в управлении государством. С получением представителями рабочего класса доступа в центральные органы государственной власти каждый рабочий становится полноправным гражданином, формально равным гражданину-буржуа. Устанавливается относительная внутренняя гармония классов, закрепленная политико-правовыми способами и оформленная как нация граждан, но требующая постоянного гражданского тонуса – легальной борьбы за реализацию прав гражданина. Но с установлением внутреннего баланса в распределении власти между классами возникает острая необходимость в переносе «борьбы за жизненные шансы» на межгосударственный уровень. Для поддержания нормального жизненного уровня нации, то есть для гарантированного осуществления гражданских и политических прав ее членов требуется выход государства на международную арену. Туда и перемещается действие оппозиции *господство-подчинение*.

Национальное гражданство амбивалентно, оно есть результат слияния принципов республиканизма (демократии) и национализма, в которых воплотились полюса оппозиции *открытость – закрытость*. Существуют внутренние и внешние аспекты проявления этой двойственности. Позитивное внутреннее единство нации вовне способно порождать тенденции к воле самоутверждения данной нации за счет других. Наряду с понятиями частной свободы граждан и политической автономии граждан государства возникает коллективное понятие национальной свободы. Свобода нации может мыслиться в категориях или конкуренции, или сотрудничества с другими нациями. Два понимания свободы нации порождают две модели ее внешнего взаимодействия: 1) космополитическая модель нации граждан – открытости, мира, публичной автономии, конструируемой правовым способом; свобода нации в ее рамках трактуется как стремление к достижению равенства интересов с другими

нациями в рамках норм международного права; 2) модель этнонационализма – закрытости, скрытой войны; натуралистическое (этническое) понимание нации приводит к трактовке свободы нации как способности утверждать свою независимость любыми средствами, вплоть до насилия.

Используя концепцию П. Сорокина, оппозицию этнического (природного) и политического (культурного) понимания нации можно объяснить наличием двух культур в нации. Эволюция нации есть процесс флуктуации идеационной и чувственной культур, в котором они выступают как фазы одного цикла. За «этническим» в нации стоит идеационная культура, а за «политическим» – чувственная (в период ее восхождения). Разные исторические состояния конкретной нации представляют собой сочетание этих двух культур в разных пропорциях. Принципы чувственной культуры представляют один полюс оппозиции: универсальность, открытость, космополитизм, эгалитарность, республиканизм, демократия, формальное право, правовое государство, светское государство, индивидуализм, толерантность, мирное сосуществование, договорные отношения, солидарность граждан государства. Принципы идеационной культуры – второй полюс многоаспектной оппозиции модели: локальность (партикуляризм общей исторической судьбы), закрытость, аристократия или монархия, элитарность (иерархичность связей и отношений, отсюда иерархия наций), семейный тип общественных отношений, религиозно-нравственные абсолюты, трансцендентность («дух народа или нации»), скрытая или явная ориентация на войну, деление на «своих» и «чужих», солидарность, ограниченная рамками локальных групп или корпораций.

Напряженность между национализмом и республиканизмом, присущую национальной форме государственности, то есть наличие «двух лиц нации» Ю. Хабермас считает содержащей конфликтный потенциал. «В то время, как нация граждан государства (продукт волевого стремления) является источником демократической легитимации, нация соотечественников (продукт природы) обеспечивает социальную интеграцию»¹. Антиномия гражданской нации (нации граждан как субъектов политической общности сво-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 211.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

бодных и равных) и этнической нации (нации соотечественников, сформированной предшествующей историей и культурой, в которую каждый ее член попадает пассивно, независимо от собственной воли) становится одной из несущих конструкций модели гражданина национального государства.

Таким образом, нововременная модель гражданина оказывается внутренне противоречивой. Исторически предшествующее – этническое (как дополитическое), казалось бы снятое политическим, сохраняет свою актуальность, время от времени взрывая устойчивость демократических институтов и процедур. Это следствие функционирования механизмов культуры, действующих не только в направлении прогрессивного накопления достижений, но и в сторону возврата к древним пластам культуры. Это своего рода сброс уровня сложности. Война – такой же продукт культуры, как и мир – состояние, достижение которого дается труднее. Политическое в нации фиксируется в правовой конструкции конституционного государства. Именно в ней существует открытая, решаемая каждым поколением проблема определения базовой совокупности лиц, объединяющихся с целью легитимной регуляции совместной деятельности и отношений средствами положительного права. Ю. Хабермас эту проблему характеризует следующим образом: «... определение того, кто именно получит власть устанавливать границы политической общности, остается делом исторической случайности и фактичности событий и зависит, как правило, от естественного исхода силовых конфликтов, межгосударственных и гражданских войн»¹. Необходим поиск новых способов медиации полюсов оппозиции «гражданское (политическое)- этническое» в нации, что связано с преодолением амбивалентности национального государства и гражданства.

Путь к роли статиста: модель новоевропейского гражданина в современном контексте

Модель гражданина подвергается существенным изменениям, связанным с социально-историческим и политическим контекстом. Взаимодействие гражданина и государства осуществляется

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 212.

то в соответствии с принципом эквивалентного обмена, когда в политике государства превалируют либеральные и демократические установки, то данный принцип подвергается ограничениям, когда государство усиливает свое вмешательство в экономические и социальные отношения. От политического режима зависит и наполнение гражданства конкретным содержанием, расширение или уменьшение гарантированного государством объема реализуемых прав гражданина. В начале XX в. активизация революционного движения и идеологической борьбы привели к тому, что «власть денег была заменена властью государства», установлением волюнтаристских или мобилизующих государств¹.

Взаимодействие институциональных и персональных форм легитимации и осуществления власти приводит к формированию двух моделей гражданина, соответствующих двум моделям организации государственной власти: гражданина тоталитарного общества и гражданина в системе харизматического господства современных государств, представляющих собой «гибрид классических институтов представительной демократии с институтами личной власти харизматического лидера – политического вождя плебисцитарной демократии»². Оба типа лежат в контексте глобального факта истории XX в. – восстания масс, отмеченного Х. Ортега-и-Гассетом³, проявляющегося в различных формах – бунта, конформизма или добровольного рабства (подчинения авторитарной власти). Общим смыслом восстания масс является бегство человека от власти и свободы. Оба типа характеризуют гражданина как пассивного участника политической жизни, стремящегося к замыканию в частной сфере. Параллельно формированию этих типов гражданина развивается тенденция приватизации публичного пространства политики профессионалами. Восстание масс является следствием столкновения двух процессов внутри современной цивилизации: «возрастания социокультурной динамики власти, предполагающей сохранение и упрочение комплекса прав и свобод человека, обеспечивающих культивирование человеческой индивидуальности, личного Я и чувства ответственности» и порождаемой

¹ Турэн А. Социальные трансформации двадцатого столетия // Международный журнал социальных наук, 1998. № 23. С. 9.

² Скоробогачкий В.В. Указ. соч. С. 202.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 45.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

техническим прогрессом «демократической несвободы», связанной с новыми формами контроля¹. Результатом действия последних как скрытых инструментов социальной нормализации становится «конструируемый» индивид, формируемый системой социализации, развлечения, индустрией потребления и отдыха, политической рекламой и т.д.² Частью этой системы контроля оказывается публичная роль индивида, гражданин становится «конструируемым».

Трансформация классической модели гражданина в современном обществе связана с процессом обособления политики от других сфер общества, с монополизацией политики слоем профессионалов, ориентирующихся на механизмы производства власти внутри самой власти, внутри элит, обладающих капиталом властного давления – связями с силовыми структурами, возможностью управления, контроля и манипуляции общественным мнением. Метаморфозы современной власти свидетельствуют о нарастании отчуждения политической власти от рядовых граждан. Тенденция производства политической власти не в зависимости от конфигурации интересов различных социальных групп и не в опоре на ценности политической культуры прошлых веков, а на критерии, принятые в среде политических профессионалов, подрывает основы представительной демократии. Она чревата опасностью неисполнения политической функций установления цивилизованного порядка социального согласия, баланса интересов политических субъектов, предохранения общества от стихии насилия и скатыванием общества к архаическим механизмам производства власти.

Существование феномена гражданина в современных условиях характеризуется значительными отличиями от его ранней формы. С середины XIX в. началось разложение феномена гражданина Нового времени путем его самоизменения, включая перемены в смысловом поле гражданского этоса, а также в воплощающих его институциональных структурах. Одно из проявлений этого процесса – актуализация проблемы национальной и персональной

¹ Скоробогатский В.В. Указ. соч. С. 205.

² «...в качестве части этой машины, он [индивид] пре-формирован, заранее запрограммирован на предсказуемый образ действий в не им предписанных обстоятельствах» (Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. 123).

идентичности в современной политике. Нормативным образцом демократического гражданства является его генетическая связь с гомогенной нацией. Однако в настоящее время фактом для большинства стран является отсутствие однородности населения, общества стали плюралистическими. Развивается атомизация форм культуры, растет многообразие этнических групп, конфессий и т.д. Возникает проблема определения условий сохранения и использования принципов демократического государственного устройства – народного суверенитета и прав человека, или проблема дальнейшего потенциала либеральной политической культуры.

Все более актуальной становится задача сохранения модели представительной демократии и гражданина как ее несущей конструкции. На повестку дня выходят вопросы способов сохранения политики как соперничества различных политических субъектов, как динамичного производства новых социальных статусов и отношений в границах цивилизованного порядка. Одно из ведущих мест занимает способ воспроизводства гражданина, то есть института гражданства и гражданской культуры, форм, обеспечивающих включенность рядовых граждан (избирателей) в политику как практическую деятельность, как игру с непредсказуемым результатом. Гражданин воспроизводится в качестве субъекта, осуществляющего выбор, непредопределенный профессионалами, обслуживающими властную элиту, способного поддерживать и изменять политические институты и структуры. Это – вопрос о социальном качестве гражданина, о его политической культуре, гражданской идентичности. Но это и вопрос о жизнеспособности системы партийно-политического представительства, системы политической конкуренции. Это также вопрос о внешнем, институциональном, и внутреннем – ментальном статусе гражданина, о соотношении института гражданства и гражданственности его носителей.

Изменению в контексте современности подвергается ментальное измерение модели гражданина Нового времени. Все более острой становится проблема воли индивида, способности к власти над собой как средстве власти над обстоятельствами, к балансу рационального и иррационального начала в мотивациях и политическом поведении индивида, к духовной автономии личности. Отказ массовой личности от автономии собственной воли и власти над собой, отказ от свободы, самостоятельности и ответственно-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

сти, приводит к фактическому подчинению индивида со стороны правящих классов и отчужденно- принудительной связи людей в государстве.

Логика эволюции индивидуализма приводит к разложению этоса новоевропейского человека, разрушению начального единства гражданина и нации. Происходит и дальнейшая дифференциация, изменение значимости и нарушение нововременного баланса публичного и частного в условиях существования и ментальности гражданина: роль гражданина государства в структуре социальных ролей личности все больше оттесняется ролью потребителя (обывателя, мещанина, филистера, «человека массы», ушедшего в сферу частного). Проникновение личностного начала (принципа индивидуализма) в публичную сферу привело к тому, что последняя стала утрачивать характер неличностного действия. «Личностная» культура постепенно разрушала нормы искусственности, условности, дистанцированности людей друг от друга, нормы игры, подразумевающие театральность, наличие масок и ролей, необходимых для полноценного существования публичной сферы¹. Р. Сеннет констатирует «конец публичной культуры» и описывает нынешнюю ситуацию в культуре и обществе как доминирование «идеологии задушевности (интимности)», переводящей политические категории в разряд психологических². Современная культура основана на представлении об интимности как настоящей добродетели. Склонность к восприятию реальности сквозь поиски «опыта задушевности» приводит к формированию типа личности, ожидающей от мира атмосферы доверия, сердечности и комфорта, не готовой к условиям сложной социальной жизни, жестким и несправедливым отношениям, обладающей страхом перед безличными, отчужденными и холодными отношениями, царящими в публичной сфере. Результатом этих страхов становится «ослабленное понятие человеческой воли»³, а следствием – превращение массы граждан в пассивных зрителей массовых шоу, разыгрываемых политическими «героями». Двойственность структуры интим-

¹ Поэтическое предчувствие этого находим у Ш. Бодлера: «И ты, душа моя, не знавшая экстаза, / Лишь сцена пошлая, где ждут мечту одну...» (Бодлер Ш. Цветы зла. СПб., 2004. С. 193).

² Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002. С. 293.

³ Там же. С. 295.

ного общества проявляется, во-первых, в нарциссизме¹, разлитом в социальных отношениях, во-вторых, в «упразднении ощущения группового эго», в потере чувства общности коллективных и групповых интересов, в преобладании культуры личности над коллективными интересами. Социальные взаимодействия фокусируются на мотивациях, а не на действиях, сходство переживаемых чувств объединяет людей во все меньшие группы, развивается местный деструктивный патриотизм, локализация чувства сообщества. Это становится фактором организации семьи, школы, соседской общины и одновременно дезорганизации города и государства. Когда социальная реальность начинает измеряться в терминах психологии, общество лишается даже социальной корректности (civility)² как уже сниженного варианта гражданственности, связанного с равнодушной толерантностью и исчезновением тяги к политической активности. Личность отчуждается от публичной (неличностной) жизни, индивид становится актером, лишенным возможности играть, поскольку эта возможность выплеснуть энергию игры может реализоваться лишь в культуре, сохраняющей дистанцию между маской и личностью. В мире светской культуры, лишенной религиозных ритуалов и трансцендентных верований, нет готовых масок. Маски создаются индивидами методом проб и ошибок для сосуществования с другими людьми, в опыте городской публичной жизни и в опоре на нормы цивилизованности. В структуре социальных ролей личности публичная роль гражданина имеет все меньшее значение, она изменяется под действием принципа личности, наполняется содержанием и меркой частной жизни. Осуществляя свое избирательное право, гражданин делает выбор, руководствуясь чувствами, а не рациональным представлением о потен-

¹ Нарциссизм – это «поглощенность собой», утопание в собственной самости, заключающее опасность «такой реакции на мир, когда реальность пытаются уловить через образы собственной личности». Проявлениями нарциссизма Р. Сеннет считает аморфность личности, сознание разорванности, отъединенности чувства и деятельности, разрыв между деятельностью и побуждением, утрата веры в публичность, потеря навыков самоотстранения в публичной жизни. (Сеннет Р. Указ. соч. С. 373-375).

² «Социальная корректность есть отношение к другим как к незнакомцам и установление социальной связи с соблюдением соответствующей дистанции» (Там же. С. 300).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

циале политика, его способности представлять и проводить в жизнь интерес избирателей.

Появляются структуры социальной некорректности: 1) поведение современного харизматического политического лидера, упраздняющего дистанцию между своими чувствами и чувствами аудитории, сосредоточивающего внимание на своей мотивации и отвлекающего его от оценки своих поступков; 2) искажение понятия братства в жизни современного сообщества – отказ от классовой солидарности, сужение братской связи до солидарности, основанной на этнической, квартальной и др. общности (сужение круга «избранных»)¹.

Конфликт частного и публичного переносится во внутренний мир личности. Индивид теряет способность выработать маску для жизни на публике, жить по условным правилам поведения на дистанции от собственных непосредственных желаний. В прошлом религиозные ритуалы учили индивида участию в выразительном действии. В условиях культуры приватности ему трудно выработать маску, овладеть навыками самоотстранения, отсюда утрата способности играть и участвовать. В результате длительного исторического процесса «само состояние человеческой природы оказалось преобразовано в то индивидуалистичное, нестабильное и погруженное в себя явление, которое мы называем «личностью»². «...вера в то, что прямые человеческие отношения основываются на интимности, отвлекла нас от того, чтобы моделировать наше понимание реалий власти и определять собственное политическое поведение. В отсутствие этого вызов силам господства и неравенства так и остается неброшенным»³. Из гражданственности уходит активность, и остаются светскость, нарциссизм как поглощенность самостью, аморфность этой самости, пассивность в практических действиях, проявляемых на публике. Социальная корректность грозит превращением из нейтральной в свою противоположность, в нецивилизованность.

Модель национального гражданства сталкивается с серьезными вызовами и со стороны «мультикультурализма» внутри государств, и со стороны процессов глобализации в современном

¹ Сеннет Р. Указ. соч. С. 301.

² Там же. С. 392.

³ Там же. С. 393.

мире¹. Возникает проблема воспроизводства данной модели. Глобализация порождает множество противоречивых тенденций: одновременное расширение и фрагментирование сознания субъектов, вступающих в коммуникацию и взаимодействие с другими; изменение прежних институциональных форм воплощения республиканской идеи контроля гражданского общества над государством; разрушение взаимного баланса общества и государства в ходе денационализации промышленного производства и развития всемирной сети рынков финансов и рабочей силы. Появляется разрыв между возможностями действия, ограниченными рамками национальных государств, и глобальными сетями экономических отношений, вырвавшихся из-под влияния политических инструментов. Национальные государства уже не могут в достаточной степени контролировать наднациональную глобальную экономику, уменьшаются их возможности в области политического регулирования. «Социальное государство» в большинстве стран оказывается под вопросом. Феномен нового «низшего класса», порождаемый усилившейся миграцией рабочей силы, распространяется из стран «третьего мира» на центры «первого». Возникают очаги потенциальных и реальных внутригосударственных конфликтов между «низшим» классом мигрантов и «средним» слоем постоянных граждан. В результате утрачивается социальное и политическое единство населения в национальных государствах, составляющее основу их конституционного устройства, в том числе и конституционный статус гражданина, и подвергаются эрозии институты и формы реализации прав граждан. Назревает глубинный конфликт «между высоким уровнем национального самосознания общества и не менее высокой степенью, в которой элиты денационализированы и привержены космополитическим, субнациональным и транснациональным ценностям»². Ценностные и идеологические различия между «патриотической публикой» и «денационализированными элитами» свидетельствуют о фактическом функционирова-

¹ Глобализация А. Гидденсом определяется как уплотнение сети всемирных связей, которое имеет своим следствием взаимовлияние местных отдаленных событий (*Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991. P. 64*).

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. М., 2004. С. 506-507.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

нии «непредставительской демократии» (С. Хантингтон) и чреваты утратой общественного доверия к правительству.

Демократическое правовое государство встает перед проблемой нормативного самоопределения. Моделью формирующегося «постполитического мира» становится транснациональное предприятие¹. Кризис подступает и к национальному государству, и к формам политической социализации, и к гражданскому обществу. Последнее вытесняется децентрированным мировым сообществом (постгражданским обществом), распадающимся на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся функциональных систем. Граждане погружаются в анонимную сеть отношений, где нет места ценностным ориентирам Нового времени, но есть лишь императивы самосохранения. Размывание политического в глобальном обществе связано, с одной стороны, с имплозией масс², равнодушием населения к политике и симуляции их свободного выбора символическими механизмами, применяемыми властной системой, с другой – с потерей значения политических институтов национальных государств перед транснациональными корпорациями и глобальными процессами. Замена национального общества глобальным рынком приводит к превращению гражданина конкретного государства в глобального потребителя³. Исчезает политическая автономия граждан, «гражданин сетевой эпохи» (Й.М. Геенно) сохраняет лишь свою частную автономию, уходя в сферу приватной жизни. Демократическое государство заменяется «государством частного права», независимо от того, определяют ли его жизнь нормы частного предприятия или чиновников администрации. Существует тенденция превращения гражданина в подданного наднациональной корпорации. Международное право уже не справляется с глобальными проблемами: социально-экономическим и культурным неравенством между Севером и Югом, экологическими бедствиями, военными конфликтами, терроризмом и т.п. Существует проблема отсутствия дееспособных субъектов, которые могли бы на между-

¹ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. СПб., 2001. С. 225.

² *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 11.

³ *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 420.

народном уровне договориться о соблюдении политических норм и процедур.

Процесс формирования новых или возрождения исчезнувших государств, начавшийся в условиях деколонизации после второй мировой войны и распада Советской империи, сталкивается с актуализацией «генеалогических сил» – церковно оформленных конфессий или наций, то есть основ дополитических общностей. Эти силы возрождают исторические духовные стереотипы «Мы-сознания» – этнонационализм, стремление к закрытости, ксенофобию и пр. Все большее значение приобретает то, как себя воспринимает современное население – как нацию соотечественников (в этническом смысле), или как нацию граждан, как политическую общность. В культуре вновь актуализируется оппозиция *открытость – закрытость*, стремление к закрыванию наций заявляет о себе все чаще. Современные общества колеблются в осуществлении «двойного кодирования», касающегося масштабов изоляции и включения¹. Это имеет непосредственное отношение к проблеме определения базовой совокупности граждан государства. Для стран с переходными политическими режимами это вопрос о выборе модели гражданства (связанной с проектом осуществления республиканских прав на свободу) или подданства, или вопрос определения национальной идентичности. Это еще и выбор между республиканизмом и этнонационализмом. Ю. Хабермас считает не исчерпанным и не вполне реализованным в европейских странах классический проект философии Нового времени. Различая либеральный и республиканский варианты понимания гражданина государства, Ю. Хабермас предлагает путь их согласования в виде делиберативной политики. Это путь установления баланса между проектами за счет достижения этического согласия и юридической справедливости. Теория коммуникативного дискурса Ю. Хабермаса представляет собой попытку спасти либеральный проект, дополнив его действенными этикой и демократической политикой. Эффективные формы интеграции демократическое общество должно искать не в «воображаемой общности» нации, а в сфере формирования политической воли и общественной коммуникации.

В современной политической философии обсуждаются такие тенденции в эволюции гражданства, как его дифференциация и

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 232.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

транснационализация (глобализация). С середины XX в. глобальный характер приобрели процессы миграции, что ставит практиков и теоретиков перед необходимостью совершенствования механизмов приобретения гражданства и исследования всего комплекса условий, оснований и перспектив данного института. В ходе исследований эмпирических аспектов гражданства вновь актуализировалась зависимость функционирования современной демократии от «качества» граждан, от их политической культуры. Оказалось, что концепция гражданства фокусирует в себе целый пласт теоретических и практических проблем, поскольку данное понятие описывает «формальное отношение между «базовыми единицами» современной политики – государством и индивидом», и показывает и статические, и динамические аспекты политики¹.

Сомнению подвергается «универсализирующая» функция института гражданства. Это связано с тем, что с конца XX в. в западных странах активизировались «новые социальные движения», требующие «признания идентичности» подчиненных меньшинств, обладающих расовыми, этническими, религиозными, гендерными и т.п. культурными отличиями от большинства населения. Идеологи этих движений обратили внимание на то, что именно культурные различия детерминируют такую реализацию прав и свобод, связанных с институтом гражданства, которая порождает систему социального неравенства. Культурный партикуляризм с характерным для него требованием «политики различий» («политики идентичности», «мультикультурализма», «дифференцированного гражданства», «особых прав меньшинств» и др.) ставит перед необходимостью исследования правомерности притязания либеральных демократий на универсальный характер института гражданства. Несмотря на распространение в мире институт гражданства является продуктом западноевропейской культуры, его функционирование опирается на уникальное сочетание свойств ряда национальных культур европейских государств, то есть на локальную политическую культуру.

Разного рода меньшинства в западных демократиях с конца XX в. ведут борьбу не просто за включение в число граждан, но за особые условия такового. Представители «новых социальных дви-

¹ *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // Полис, 2004. № 5. С. 7.

жений» заявляют об отказе от универсального набора прав гражданина и предлагают дифференцированный подход, в соответствии с которым для разных категорий граждан необходимы разные группы прав. Подчиненные меньшинства требуют признания собственной идентичности и адаптации политических институтов и практик к их особым потребностям. Если в XIX–XX вв. главной целью социальных движений было признание их политических прав, то есть «активного гражданства», то к концу XX в. выяснилось, что избирательные права не всегда востребуются и реализуются, цели движений изменились. Возникла проблема дифференцированного использования «универсального» статуса гражданина: разные категории прав из полного набора прав гражданина востребуются различными социальными группами, обладающими специфической культурной идентичностью.

Классическая модель гражданства строилась на идее необходимости обеспечения гражданам равного доступа к участию в управлении государством. Институт гражданства был механизмом нивелирования различий при включении в публичную сферу. Речь шла о моральных и этических различиях – о разных представлениях о благе, справедливости и т.п., но в рамках единой западноевропейской культуры как системы либеральных и демократических ценностей. Эффективным способом решения проблемы считалась процедурная справедливость, базирующаяся на «нейтральном отношении» к различиям в публичной сфере (Р. Дворкин). В гражданстве отрабатывались в основном институциональные механизмы достижения равенства. Вопрос о культурном фундаменте института гражданства не возникал. «Новые социальные движения» переориентировали внимание исследователей на проблему социокультурной основы института гражданства и всего здания системы представительной демократии. Встала проблема минимальных культурных требований либерально-демократической политической системы к представителям других культур, претендующих на гражданство, то есть требований к человеку или группе, касающихся их способностей выполнять функцию (роль) гражданина. Ю. Хабермас минимальным условием функционирования либеральной демократии считает лояльность нации граждан собственному государству¹. Каждый новый

¹ «...лояльность ... является не результатом правового принуждения, но частью политической культуры» (Цит. по: *Малинова О.Ю.* Указ. соч. С. 11).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

претендент на гражданство в странах либеральной демократии должен обладать минимумом политической культуры хотя бы на уровне лояльности, то есть пассивного признания данного государства и его законов.

Но достаточно ли эффективны способы обеспечения публичной сферой равного признания разных идентичностей? Исследования показали, что за провозглашаемой «культурной нейтральностью» и «беспристрастностью» либеральных государств стоят вполне определенная культура и интересы. Социальные и политические институты современных наций-государств функционируют на основе единого языка и идентичности – чувства принадлежности к конкретному сообществу, обладающему определенной культурой (У. Кимлика). Имеет место идеологически окрашенный культурный империализм, в качестве универсальной постулируется культура привилегированной группы – элиты нации. Либеральный дискурс до сих пор рассматривал институт гражданства сквозь призму индивидуальных прав. Требования «признания идентичностей» групп не вписываются в либеральный дискурс и принятые процедуры включения в круг граждан. Способом разрешения проблемы стал принцип мультикультурализма – «равного признания» идентичности разных групп на основе презумпции ценности традиционных культур (Ч. Тейлор). Совершенствование механизмов признания культурных различий связано с развитием практик гражданского участия и практик «делиберативной демократии» (Ю. Хабермас). Фактически намечается новый этап взаимодействия между институциональными и культурными аспектами гражданства, теперь в виде взаимодействия принципов «процедурной» и «делиберативной» демократии. Потребности меньшинств в признании их культурной идентичности находят разрешение в процессе переговоров, результатом которых становятся изменения норм и практик реализации прав гражданина. Но тем самым происходит дифференциация института гражданства, «размывания» его универсального и эгалитарного характера, вместе с этим фрагментируется и ослабляется гражданская идентичность.

С 1990-х гг. в рамках постлиберального дискурса гражданства прозвучали идеи «транснационального» и «глобального» гражданства (Р. Баубек, Э. Балибар). «Транснационально прогрессистский» политический дискурс провозглашает отказ от принципа индивидуализма во имя принципа культурного и на-

ционального равенства, переосмысленного в духе мультикультурализма. Постлибералы констатируют факт утраты национальным гражданством своего эгалитарного смысла и превращения «из инструмента расширения сферы политического участия в обществе в своеобразное институциональное орудие различения «своих» (полноправных граждан) и «чужих» (жителей страны, занятых в производстве, но исключенных из политического сообщества)¹. Вследствие этого внутри нации возникает новое разделение на господствующих и подчиняющихся, причем такое разделение в ряде европейских стран обусловлено этническим происхождением иммигрантов. Левые либералы и радикальные демократы причины неравенства усматривают в «национальной» составляющей современного гражданства и в качестве способа выхода из ситуации предлагают отказ от признания этнических характеристик за основание приема или отказа в гражданстве. В рамках транснационального подхода в противовес «национальному» и «супранациональному» гражданству предлагается «транснациональное гражданство», которое призвано обеспечить включение иммигрантов в политическую жизнь Европы, более соответствующее принципам либеральной демократии, нежели сложившаяся практика международного апартеида, утвердившего новое деление на европейцев и неевропейцев как внутри объединенной Европы, так и за ее пределами. Такая ситуация есть следствие попыток возрождения европейской идентичности.

Б.В. Межуев ставит проблему наличия корреляции между «транснационализацией» гражданства и его «дифференциацией»². Некоторые исследователи фиксируют тенденцию «расщепления» института гражданства на три элемента – «коллективную идентичность», «политическое членство» и «право на социальные гарантии и выплаты», постепенно утрачивающие связь друг с другом и с гражданством³. Опасность «расщепления» института гражданства

¹ Брубейкер У. Цит. по: Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Полис, 2004. № 5. С. 19.

² Межуев Б.В. Там же. С. 21.

³ Иностранному рабочим во многих европейских странах для участия в местных и региональных выборах не требуется гражданство; человек может быть наделен социальными правами и привилегиями, не имея избирательных прав или не будучи гражданином конкретной страны (Бенхабиб Э. Цит. по: Межуев Б.В. Там же).

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

заключается в тенденции исключения из него права на политическое участие. Таким образом, развивается процесс, обратный процессу становления национального гражданства, при котором шло соединение трех элементов в этом институте – собственно «гражданского», политического и социального, то есть объединение всех трех групп прав в едином гражданском статусе. В будущем предполагается замена института национального гражданства «космополитическим сообществом постоянных жителей»¹. «Транснационализация» гражданства мыслится не как расширение пределов «национального» гражданства, – такой вариант считается нереалистичным, но как исключение из «космополитического идеала всемирного гражданства» демократизирующей функции данного института – участия граждан в управлении государством. Из инструмента демократизации институт гражданства превращается в препятствие для нее. Становлению института «глобального гражданства» и триумфу демократии препятствуют тенденции к «закрыванию» западноевропейских наций. Общеευропейское гражданство не является институтом, расширяющим политическое участие для граждан стран – новых членов Евросоюза. Иницирующий глобализацию Запад отстраняется от института «глобального гражданства», поскольку установление последнего может приблизить растворение культурной идентичности стран «золотого миллиарда» и привести к возникновению политической и культурной зависимости «белого человечества» от народов «мирового Юга»². Поэтому для постлибералов конец «национального государства» не означает конца «национального гражданства». Выступая против предоставления политических прав иммигрантам и расщепления института гражданства, постлибералы стремятся сохранить полноту прав гражданина и, прежде всего, политические права, лишь за коренными гражданами европейских стран. Удастся ли сохранить институт национального гражданства в его нынешнем виде в контексте всего спектра происходящих изменений – неизвестно. Проект «транснационального» гражданства замещает не реализованный проект «постнационального» (глобального) гражданства, теоретическим и практическим следствием которого могло бы стать разрешение противоречия между универсальным статусом человека и партикулярным (при-

¹ Межуев Б.В. Указ. соч.

² Там же. С. 22.

Глава 4. Политико-театральные амплуа для массового индивида

вилегированным) статусом гражданина национального государства, между правами человека и правами гражданина.

Декolonизация, начавшаяся с середины XX в., обусловила глобальный характер миграционных процессов и трансформацию института гражданства. В процессе создания Европейского Союза актуализировалась идея «национализации» гражданства. Метрополии бывших колониальных империй объединились между собой в ЕС, помимо других целей, еще и для более эффективного противостояния своим бывшим колониям. Этот выбор обусловлен цивилизационным сходством европейских стран: инвариантными характеристиками либеральной цивилизации, которые обобщенно можно назвать цивилизованностью (гражданственностью), осознанием особой европейской идентичности, принципиально отличающейся от неевропейских идентичностей колониальных народов. Дух уникальной западной цивилизации объединяет народы Западной Европы и США и отделяет их от других народов мира.

Нынешняя стадия эволюции модели гражданина нового времени показывает утрату гражданином качеств активного участника политической жизни, качеств субъекта политики. Гражданин становится формальной функцией политической системы. Феномен абсентеизма, свидетельствующий о не востребованности институтов демократии частью населения, «падение публичного человека» в современной культуре и снижение значения публичной жизни для массовой личности, утрата ценности публичной роли гражданина – явления взаимосвязанные. Они свидетельствуют об угасании этоса гражданственности и выхолащивании институтов демократии.

Модель национального гражданства сложилась в период господствующей в культуре уверенности в самоидентификации субъекта. Под гражданином, или самоидентифицирующимся политическим субъектом, фактически понимался мужчина, буржуа (бюргер), собственник, представитель коренной нации, постоянный житель одного из городов государства, обладающий рациональным стилем мышления и другими «канонами» западноевропейской цивилизованности. Универсальность гражданства вытекала из установки, что любую социальную категорию людей можно подвести под этот образ гражданина. В XX в. выяснилось, что реализация прав гражданина базируется на приверженности индивида этой «универсальной» культуре и без нее невозможна, что не всех чле-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

нов государства можно отождествить с этим «буржуа», поскольку в Европе в результате миграции появились группы людей, обладающие культурными отличиями от культуры, считающейся нормой. На первый план вышла проблема культурной и персональной идентичности. Начиная с Ницше и Шпенглера, проблема кризиса культуры стала болевой точкой европейского самосознания. Философское исследование стадии нигилизма и связанного с ней феномена социального и морального отчуждения человека имеет более чем вековую традицию, представленную К. Марксом, Ф. Ницше, О. Шпенглером, З. Фрейдом, Г. Маркузе, Э. Фроммом, В. Франклом, Ж. Лаканом и др. В рамках постмодернизма и постструктурализма зафиксирован кризис самотождественного субъекта эпохи Модерна, выявлены феномены «разорванного сознания», внутренней противоречивости, фрагментированности, «деконструкции», «шизофренизации», множественности «Я» человека... Изложены сценарии заката новоевропейского этоса¹. В искусстве это ощущение «заката» – исчерпанности, уныния, бессилия духа жизни и борьбы, раздвоенности человека между идеалом духовной красоты и красотой порока, одиночества, стремления к самообману, наиболее пронзительно выражено Ш. Бодлером. Созданный им образ человека (автопортрет) раскрывается уже названиями его стихов: «Наказание гордости», «Непоправимое», «Неисцелимое», «Пляска смерти», «Самообман», и, наконец, «Жажда небытия»². Стало очевидным, что представления о самотождественном субъекте – продукт идеализации и абстрагирования от культурных различий, совершенный эпохой Модерна.

¹ См., например: *Франц А.Б.* Политическая анатомия морали (Опыт философии этоса). Екатеринбург, 1993.

² О скорбный, мрачный дух, что вскормлен был борьбой,
Язвимый шпорами Надежды, бурный, властный,
/ Бессильный без нее! Пади во мрак ненастный,
/ Ты, лошадь старая с хромящей ногой.
/ Смирись же, дряхлый дух, и спи, как зверь лесной!
/ Как старый мародер, ты бродишь безучастно!
/ Ты не зовешь любви, как не стремишься в бой;
/ Прощайте, радости!
/ Ты полон злобной тьмой!
/ Прощайте, флейты вздох и меди гром согласный!
/ Уж над тобой Весны бессилен запах страстный!
/ Как труп, захваченный лавиной снеговой,
/ Я в бездну Времени спускаюсь ежечасно;
/ В своей округлости весь мир мне виден ясно,
/ Но я не в нем ищу приют последний свой!
/ Обвал, рази меня и увлеку с собой! (*Бодлер Ш.* Цветы зла. СПб., 2004. С. 255).

Кризис парадигмы самотождественного субъекта, явно обнаружившийся в XX в., обнажил суть заключенного в ней отношения к миру как объекту власти человека, а также отношения человека к себе как уже не «разумной», а лишь телесно-психической («антропологической» и даже «животной») данности. Эпоха «мировоззрений» ориентировалась на созданный Ницше образ сверхчеловека, за которым стоит «нигилистически-историческое существо заново себя мыслящего, а именно – волящего себя человечества»¹. Воля к власти оказалась сосредоточена на механизмах сохранения власти. Используемые для этого идеологии пытались «сплотить массы в новое человечество», ориентируя их на «сверхчеловеческий тип» как «чистое властвование воли к власти». «Человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением»². Условием господства над сущим для нового человека стали воспитание и самодисциплина. Образцом для производства массы «по типу» является сверхчеловек, а условиями – всеобщая «машинизация» и «воспитание» человека. Мировоззрения и идеологии XX в. использовали действенную силу идей и ценностей, не выясняя их истоки и суть. Однако последние представляют собой результат западноевропейской истории и развивают нововременную установку на «мировое господство». Скорее всего, борьба наций-государств и их объединений за мировое господство («господство над землей») будет стержнем бытия человека и в дальнейшем.

Одним из «требований» политической системы представительной демократии Нового времени являлась автономия личности, принцип индивидуализма. Однако у этого принципа – собственная логика разворачивания во времени, действие которой приводит к переформированию конструкции «политическая система – гражданин». Именно внутренняя динамика основания этой системы – представления о самотождественном субъекте, как и изменение самого субъекта, видоизменяют и реструктурируют саму систему. Период относительной стабильности политической системы, опирающейся на статично понимаемого субъекта, характеризуется нацеленностью на рациональную структурно-функциональную дифференциацию власти и ее прагматизм. Отсюда легальный тип господства – гражданина, нации и государственной власти пред-

¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 311.

² Там же.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ставительной демократии. Модель гражданина нового времени в единстве ее институционального и ментального измерений на протяжении трех столетий служила средством самосохранения и адаптации заадноевропейских и американской наций-государств к окружающему миру и выживания среди других общностей. Как динамичная модель гражданство представляет собой гибкую систему, способную перестраиваться в зависимости от исторического контекста. Это довольно активная модель адаптации, обладающая определенной агрессивностью, проявляемой этими общностями в прямой и косвенной формах – в виде экономической, информационной, культурной экспансии. Это система господства, способная к расширению и сжиманию. Она обладает динамичной структурой, обращенной вовне и внутрь общности, единством универсальных и локальных проявлений, инвариантных и вариативных особенностей. Основой данной системы является западноевропейская культура и соответствующая ментальность массового индивида. Очевидно, существуют и пределы такой системы адаптации, однако достигнуты ли они в настоящее время, судить трудно.

Модель европейского гражданина эпохи Модерна внутренне изменилась за счет динамики в соотношении полюсов структурно-семантического каталога. В настоящее время наблюдается разрушение баланса и фрагментация в соотношении полюсов ведущих оппозиций модели: *свои – чужие, господство – подчинение, элитарное – эгалитарное, частное – публичное, открытость – закрытость*. Вместе с угасанием этоса гражданственности, вызванного логикой эволюции индивидуализма и разрушением начального единства гражданина и нации, происходит выхолащивание институтов демократии. Острой для современности становится проблема поиска новых способов разрешения противоречий в этосе гражданина, новых форм медиации полюсов бинарных оппозиций. От решения этой проблемы зависит возможность существования политики как публичной игры множества конкурирующих политических субъектов, сохранения модели представительной демократии, перспективы национального гражданства и даже существование самого феномена гражданина.

Прометей, театр и политика. Вместо заключения

В основе всех исторических форм западноевропейского гражданина лежат различные образы человека. Стремление найти символ, способный выразить единство и многообразие, устойчивость и динамику, генетическую связь и уникальность таких образов, привели нас к культурно-исторической трансформации греческого мифа о Прометее.

Периодические вспышки интереса западноевропейского искусства к образу Прометея совпадают с периодами утверждения исторических форм гражданина, эпохами восхождения и расцвета демократии. Особенно ярко эта связь проявилась в классической античности и в Новое время. При этом каждая такая эпоха черпала из этого мифа требующиеся ей смыслы, иначе расставляла акценты, по-своему интерпретировала образ Прометея. Для выражения духа гражданственности искусство этих эпох пользовалось разными символами и образами – богов, олицетворяющих Закон, Порядок, Свободу, Справедливость, Спасение, античных героев, несущих образцы гражданских добродетелей, реальных исторических деятелей. Иногда дух гражданственности утверждался от противоположного, путем художественной критики пороков общества. Однако в самом мифологическом образе Прометея западноевропейская культура находила ту многозначность и богатство смыслов, те противоречия, новая интерпретация противоборства которых позволяла ответить на актуальные вопросы данного времени. Поиски и нахождение их хрупкого баланса имеют отношение к возникновению ценностной основы феномена гражданина.

Сама природа титана Прометея, гибридного существа, отмечена соединением различного, даже взрывным единством противоположных начал: природного и культурного, материнского и отцовского, земного и небесного, животного и божественного, чувственного и рационального, стихийного (огненного) и управляемого, конечного и бесконечного, активного и пассивного (жертвенного, страдательного), губительного и созидательного, нацеленного в прошлое и будущее. Эта гибридная природа обрекает Прометея на роль средства медиации, способного служить наиболее емким символом сложной природы человека.

Первым, кто истолковал мифы о Прометее в духе утверждения человека полиса, свободного гражданина, был Эсхил. Создан-

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

ный им образ заложил важнейшие смысловые линии западноевропейского искусства, впоследствии отозвавшиеся в поэзии (Кальдерон, Гете, Байрон, Шелли), музыке (Бетховен (балет «Творения Прометея»), Лист, К. Орф), театральном искусстве, скульптуре (Г. Маркс), живописи (Тициан, Рубенс, Беклин, Кокошка), начиная с Ренессанса и заканчивая началом XX в. В «Прикованном Прометее» Эсхила основной конфликт, создающий динамику образа, – агон Зевса и Прометея, показан в форме борьбы «старого» (материнского, консервативного) и «нового» (отцовского, прогрессивного) начал. Понятийная обработка мифа позволила Эсхилу перевести эту борьбу в этико-религиозный и этико-социальный план – план борьбы Прометея, воплощающего старые институты власти, с Зевсом как новым владыкой¹. Эсхил вывел Прометея как представителя старого поколения богов, поборника старых порядков и «вовсе не революционера» (О. Фрейденберг). Однако оживление мифа в трагедии восстанавливало и богоборческие черты титана, содержащиеся в мифе. Особое драматическое напряжение данного образа создают еще несколько важных линий, очерченных Эсхилом: поочередное изменение положения «своего» и «чужого» для олимпийских богов; вхождение и изгнание из круга господствующих; соединение активности и пассивности.

По своей семантической сути Прометей является образным выражением огня – разрушительно-созидательной стихии (в прямом смысле) и культуры (огня в переносном смысле) как основы всех ремесел и искусств, которым Прометей обучает смертных, и огня любви, которым он заражает Зевса. Активность Прометея представлена еще и в том, как Эсхил переосмысливает мятеж (непокорность) персонажа трагедии: мотив мятежа природы принял у трагика характер мятежа титана, вихрь стихий (гнев старых богов) «обратился в моральное возмущение несправедливостью нового владыки»². В то же время «драма Прометея – это драма поруганного героя греческой трагедии»³, пассивность героя связана с его ролью жертвы Зевса, в трагедии представлена история его страданий и низвержения, сопровождающихся смертью природного космоса. Прометей в трагедии Эсхила еще и пробуждает разумное воспри-

¹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.С. 352.

² Там же. С. 357.

³ Там же.

ятие в человеке, он «огонь-око», «делающий «слепых» людей «зрячими», дав им «свет огня», он «дает «видеть» зрелище своей гибели».¹ В соответствии с катарсической функцией трагедии зрелище смерти героя является процедурой, очищающей душу, «осиливанием смерти», способствующей утверждению ценности жизни и признанию победы социально-культурного космоса. В наследство от погребальных и жертвенных обрядов трагедии достался их смысл: «смотреть» значило «быть живым»².

В структуре трагедии О. Фрейденберг отмечает две стандартные черты: 1) «непосредственное лицемерие смерти и 2) мимезис мертвого как живого (в форме мнимого как сущего». Главным действующим лицом такого мимезиса стал «герой», существо подземное, умерший. Он претерпевал борьбу с мниможивым и в результате этой борьбы и претерпеваний обращался в живого, враг его – в мертвого»³. Трагедия стала зрелищем гибели героя и его примером для живых. Оживление умершего героя и его подвиги стали демонстрацией того, что он продолжает бороться с реальными врагами. С этого единства начинается развитие искусства (в том числе театрального) и культуры как способа удвоения реальности и представления мнимой реальности в качестве подлинной, а подлинной в качестве мнимой. Это свойство культуры имеет множество следствий, здесь истоки культивирования иллюзий, надежд (надежда в мифе о Прометее – это нечаянный дар или наказание людей богами?), утопий и даже идеологий.

Аристотель характеризовал трагедию как «мимезис действия», как имитацию подлинных деяний, этосов и страстей⁴. Античный мим, лежащий в основе трагедии, был имитацией жизни, но жизнь была вплетена в него, в нем было много от «самодеятельности». Драма возникла из импровизации, из самодеятельности, что «подтверждает общественный, гражданский генезис драмы»⁵. Особое место в трагедии занимал хор, он фактически отождествлялся с городом, городской общиной граждан. Хор всегда выпадал из сюжета и действия, обладал активно-пассивным характером, был «и те-

¹ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 353.

² Там же. С. 425.

³ Там же. С. 424.

⁴ Там же. С. 408.

⁵ Там же.

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

мой, и зрителем, и актером, и автором»¹. Мимезис связан с «подделыванием» «подобия» под «сущность» жизни, с обманом, разыгрыванием. Впоследствии зрительное подделывание под влиянием понятий в трагедии оборачивается имитацией нравов, нравственности.

В греческой трагедии происходит не только рождение диалога, разделение на хор и актеров, но и появляется особая – художественная театральность, возникает новая природа зрелища и зрителя, связанная с перевоплощением зрителя вслед за актерами в возможную, обобщенную действительность, с иносказательностью, с вытеснением буквального переносным смыслом. Античное «уподобление» вымысла действительности, античная иллюзия была направлена на религиозно-этическое «сущее», на утверждение ценностей полисного мира. «Прометей» в античных трагедиях – образец фантастического сюжета, но его зрительное воплощение уподобляет его реальным людям. Художественный мимезис вносит иллюзию, сила которой основана на чувственном воспроизведении подлинного в кажущемся².

Политика и театр – две ипостаси, два воплощения публичности человека-гражданина, и не только в античное или Новое время. Единство пространства культуры, определяемое «близостью греческого общества к искусству и художественному ремеслу»³, создавало возможности взаимообмена свойствами, технологиями, смыслами: то, что бытовало в театре, переносилось в народное собрание, в политику и наоборот. Иллюзия участия и реальное участие гражданина в политической жизни были сплетены в одно целое, так же, как присутствие хора в трагедии было реальным (общественной обязанностью) и художественным, явленным присутствием граждан. В греческом театре и греческой политике «играла» сама публика. Примерно это же обнаруживают политика и театр эпохи буржуазных революций. Как «политическое существо» человек нуждался в конструировании норм публичности – общения, взаимодействия и представления себя перед другими. Образы трагедий, и не в последнюю очередь образ Прометея, воплощали нормы публичной жизни в художественной форме, задавая образец должного поведения гражданина. Эти нормы строились на смешении реаль-

¹ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 379.

² Там же. С. 477.

³ Там же. С. 486.

ного и идеального (утопического, фантастического, вымышленного), обычного и вневременного, условного и абсолютного.

Прометей – промежуточное существо между природной стихией и богами, человеком (нрав которого – тоже стихия) и Богом, двойственное, это предоставляло искусству востребовать в нем то черты, подчеркивающие его страдательную (человеческую) сущность, то божественную, властную. В раннесредневековой культуре образ Прометея растворился в образе Христа, взявшим в наследство лишь его пассивное начало – покровительство и любовь к людям, жертвенность, страдательность, надежду на спасение. Прометеевский сюжет был востребован вновь в культуре позднего средневековья. Начиная с Ренессанса, образ Прометея все более связывался с идеей человеческого прогресса, он стал символом культуры, созидательных сил человечества, а похищение огня – символом веры в человеческий разум, науку, будущее (драма Кальдерона). Классицизм, Просвещение и романтизм привнесли в этот образ богоборческие и антирелигиозные мотивы («Пандора» Вольтера, К. Маркс), темы борьбы с тиранией религиозных властей. Прометей стал символом мятежного духа, вмещающего целый спектр чувств от гнева и ненависти к тиранам до любви к свободе, правде, справедливости, равенству, братству. У романтиков (Шиллера, Байрона, Гете, А.В. Шлегеля, В. Мюллера) этот образ стал олицетворением духа революционной борьбы с тиранией и наполнился смысловым многообразием и разной идеологической окраской – от либеральной до социалистической (как у П. Шелли в лирической драме «Освобожденный Прометей», где под освобождением Прометея подразумевалось будущее раскрепощение человечества). У Гердера и Байрона страдания, стойкость, мужество Прометея стали символом человеческой судьбы, Гете его интерпретировал в духе художественного творчества и созидательной деятельности, поднимающей человека (Прометея) на высоту Творца. Эгалитарное начало в духе гражданственности поддерживалось идеалами освобождения человечества, связанными с концепцией естественных прав человека. Символически выражаемые образом Прометея, эти идеи питали демократически ориентированное искусство и революционное движение буржуазии и низших классов за установление гражданского равенства. Абсолютной точкой развития богоборческих и освободительных мотивов в образе Прометея стало его понимание в качестве «сверхчеловека» в

Часть 2. Исторические формы феномена гражданина

нищепанском смысле в эпосе К. Шпиттелера «Олимпийская весна», где исходные мифы существенно модернизируются и получают элитарную окраску.

Если образ Прометея в классической античности и в новое время мотивировал активность рядовых граждан в реальной политической жизни, то в нынешнем мире сверхчеловеческие образы, пришедшие на смену Прометею, направляют активность масс в игровую, виртуальную реальность, питая их пассивность в реальности подлинной и оставляя субъектность элитам. Гражданин отдает активное начало «сверхличности», оставляя за собой условное уподобление ей и превращаясь в человека массы. Произошедшее в культуре раздвоение человека на сверхчеловека и человека массы, параллельное отрыву искусства от реальности, отбрасывает гражданина к состоянию подданного.

Вот описанное Гюго в XIX в. риторически романтическое ощущение пришествия «Я» богоравного человека, бросающего вызов Богу, отринувшего божественные истины и ставшего тайной бытия и законом для себя; человека, окрыленного идеалами Французской революции, бесстрашием перед небытием, беспредельной свободой, открытостью Правде, справедливости, Красоте, Любви и ... Власти! Лишь несколько фрагментов стихотворения «ИВО» («Я приду»)¹:

О справедливость, негодуя
На злобный мир,
К тебе в конце концов приду я:
Ты мой кумир! (...)
 Во мне грядущей Правды эра
 Зажгла звезду,
 Свобода, Равенство и Вера,
 Я к вам приду. (...)
Но кто сказал, что власть господня
Других сильней?
Адам – любой из нас сегодня
И Прометей!

Как далек сегодняшний человек от этого духа, каким странным представляется он после ухода XX в., хотя ощущение века нынешнего – прямое его порождение. Этого духа нет ни в современном театре, ни в современной политике.

¹ Виктор Гюго. Стихотворения. М., 1990. С. 133-135.